

Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava

Has been issued since 2014.
ISSN 2409-4528. E-ISSN 2413-7340
2017, 4(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL BOARD

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
(Editor in Chief)

Frolova Evgeniya – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Mamadaliyev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **ERIH PLUS** (Norway), **Open Academic Journals Index** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04
Release date 20.03.17.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal22.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru
Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order № 307.

© Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava, 2017

Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava

2017

Is.

1

Журнал гражданского и уголовного права

Журнал гражданского и уголовного права

Издается с 2014 г.
ISSN 2409-4528. E-ISSN 2413-7340
2017, 4(1). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бирюков Павел – Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация (Главный редактор)

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Российская Федерация

Фролова Евгения – Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Open Academic Journals Index** (Российская Федерация).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место, ул. Стара Вайнорска, 1367/4
Дата выпуска 20.03.17.
Формат 21 × 29,7/4.

Сайт журнала: <http://ejournal22.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru
Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Заказ № 307.

2017

№ 1

© Журнал гражданского и уголовного права, 2017

C O N T E N T S

Articles and Statements

The Legal Regime of Property of Spouses in Family Law of Foreign Countries Ershov O.G., Shielko E.I.	4
Domestic Violence Criminal Proceedings: Some Problems of Practical Application, Perspective Development Markov I.I., Klyuchnikov A.Y.	12
The Remote Interaction between the Public Commission and International Judicial Instances Moiseev A.M., Zhygulin A.M.	20
Criminal Legal Protection of the Land by the Legislation of Ukraine and of the CIS Countries: Comparative Analysis Movchan R.O.	29
Problems of Legal Regulation of the Inclusion of Organs and Tissues of Human Origin into Civil Circulation Novikova N.N.	38
Russian and Muslim Criminal Law: A Potential of Convergence Shahbazov R.F., Sizov A.A.	50

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 4-11

DOI: 10.13187/zngup.2017.4.4
<http://ejournal22.com>

Articles and Statements

UDC 347.0

The Legal Regime of Property of Spouses in Family Law of Foreign Countries

Oleg G. Ershov ^{a, *}, Elena I. Shielko ^a

^a Omsk Academy of the Ministry of Interior of Russia, Russian Federation

Abstract

The article discusses the issues of the legal regime of property of spouses in the family law of foreign countries. In particular, based on the analysis of the legislation of the countries of the Roman-German legal system (Germany, France) and the Anglo-Saxon system of law (England, USA), the conclusions have been drawn on the possibility of borrowing the positive foreign experience for the purpose of subsequently reforming the norms of Russian family law. Of interest is the mechanism for determining the value of the property, which goes into common property, as well as the rules protecting the spouse during the marriage and after its dissolution. It is also concluded that while reforming the foreign family law, the legislator can perceive the national experience regulating family relations related to the legal regime of the property of spouses. In particular, the principle of equality of spouses in marriage can be of interest, which allows to guarantee the protection of the interests of each spouse during the period of the possession, use and disposal of common property. Such guarantees are related to equal opportunities in managing common property; the absence of differentiation of the legal regime, depending on the manner in which the marriage is concluded; foreclosure on demand of creditors on the property of the spouse, and then on the common property; expansion of the list of property falling under the legitimate regime.

Keywords: family law, marital property regime, Germany, France, England, USA.

1. Введение

Современное исследование семейного права предполагает проведение анализа зарубежного опыта регламентации семейных отношений. Познания в этой области имеют значение для целей сравнительного правоведения (компаративистики). Сходство социальных и экономических условий, при которых формируется правовой институт в зарубежном законодательстве, с аналогичными условиями отечественного развития, позволяет предположить, что в рамках одной правовой системы возможно заимствование положительного опыта. При этом следует отметить, что процесс заимствования может носить не односторонний, т.е. только переложение институтов зарубежного семейного права

* Corresponding author

E-mail addresses: ershov_@rambler.ru (O.G. Ershov), shilele@mail.ru (E.I. Shielko)

в отечественное право, но и взаимный характер. Для расширения знаний в области семейно-правового регулирования отношений и решении вопроса о заимствовании положительного опыта научный интерес также может представлять аналогичный институт семейного права, который складывается в рамках правовых систем, отличных от отечественной правовой системы.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи стали положения норм семейного права о режиме имущества супругов при отсутствии брачного договора. В процессе исследования применялся формально-юридический метод. Это позволило выделить ключевые особенности законного режима имущества супругов в семейном праве ряда зарубежных стран и сделать выводы о возможности заимствования положительного опыта регулирования отношений при реформировании российского семейного законодательства.

3. Обсуждение

В целях проводимого исследования зарубежного семейного права для сравнения возьмем государства романо-германской и англосаксонской правовой системы. Общей исходной посылкой является то, что в правовых системах разных государств только надлежаще оформленный брак приводит к законному режиму имущества супругов. Например, в Англии и США супруги, вступая в брак, обязаны создать супружескую общность жизни консорциум (*consortium*), который распространяется и на нажитое имущество. Несмотря на то, что точного и исчерпывающего определения консорциума ни в законодательстве, ни в судебной практике не существует, консорциум понимается как "общность стола, очага и ложа" ([Гражданское и торговое право..., 2006: 535](#)).

При отсутствии брачного договора действует легальный режим имущества супругов. Однако следует обратить внимание, что легальный режим представлен тремя видами: режим общности, режим раздельности и режим отложенной общности (смешанный режим). Например, во Франции действует режим общности и режим раздельности супружеского имущества. Вступающие в брак могут избрать один из легальных режимов, в том числе посредством брачного договора установить промежуточный режим, соединяющий правила различных режимов в отношении отдельных видов собственности и доходов ([Гражданское и торговое право..., 1968: 502](#)).

По-сути, выбор легального режима общности предоставлен самим супругам. Юридическим основанием применения того или иного режима может быть либо брачный договор, либо сам закон. По общему правилу при режиме общности супруги имеют право общей совместной собственности на имущество, нажитое совместно в браке. Имущество, полученное во время брака в дар или по наследству, остается в раздельной собственности. Режим раздельности означает, что каждому из супругов принадлежит не только их добрачное имущество, но и имущество, нажитое в браке на собственные средства. Режим отложенной общности означает, что в период нахождения в браке супруги распоряжаются имуществом раздельно, а в случае развода их имущество становится общим и делится поровну ([Зенин, 1992: 180](#)). Объяснение такого подхода в юридической литературе дается применительно к социальному положению разных семей ([Гражданское и торговое право..., 1980: 350](#)).

Вместе с тем, для каждого легального режима имущества супругов в зарубежном семейном праве заложены проблемы, которые касаются двух ключевых вопросов: что входит в состав имущества и каким образом осуществляется управление. При режиме общности право совместной собственности супругов возникает только после брака и распространяется на средства от совместных доходов и профессиональной деятельности, но сохраняется право индивидуальной собственности на имущество, принадлежащее им до брака или полученное в порядке наследования. В тоже время судебная практика столкнулась с тем, что при рассмотрении споров возникла неопределенность по поводу доходов от имущества, которое принадлежало каждому из супругов. Следует ли на эти доходы распространить право общей совместной собственности, или они должны принадлежать тому супругу, чье имущество.

С другой стороны, при режиме раздельной собственности, когда каждому из супругов принадлежит имущество приобретенное только на свои деньги, женщина, осуществлявшая домашнее хозяйство за время супружеской жизни ничего не приобретает, что явно ущемляет ее положение и имущественные интересы. Если супруги сохраняют режим общности, то управление общим имуществом, возлагается, как правило, на мужа. Это объясняется тем, что действует заложенный еще ранее в семенной праве принцип ущемления женщины в правах, поскольку она стоит за мужем, который является главой семьи. Отсюда, совершенно очевидно, что в нормах зарубежного семейного права требуется закрепление более четкого механизма имущественной защиты женщин, состоящих в браке. Например, в настоящее время в некоторых странах супругам предоставлено право в течении брака, либо на момент его расторжения обращаться в суд с иском об установлении долей в их имуществе. Известны случаи, когда женщине дозволено обратиться с иском в суд против третьих лиц, для того, чтобы обеспечить свое право проживания в жилище и закрепить это право путем записи в ипотечной книге.

Выделенные проблемы присутствуют как в англо-американском праве, так и в романо-германском. Однако есть и дифференцированный подход. Например, как и другие брачно-семейные вопросы, законодательство США по разному регулирует имущественные отношения супругов зависимости от того, по закону или согласно нормам общего права был заключен брак. Если брак был заключен по закону, то действует законный и договорный режим имущества, если по нормам общего права – все имущество принадлежит мужу. Законный режим имущества имеет два варианта: 1) выделяется раздельное имущество каждого из супругов и имущество, находящееся в общей совместной собственности; при взыскании по требованию кредитора по долгам семьи с начало обращается взыскание на общее имущество, затем на раздельное имущества обязанного супруга; 2) режим общности после заключения брака, когда все имущество, включая приобретенное по основаниям дарения и наследования, является общим (Синельникова, 2007: 8).

Режим общности супружеского имущества существует в странах романо-германской правовой системы. Он имеет две разновидности: режим общности движимого имущества и приобретенного имущества и режим общности приобретений. Первая предусматривается в некоторых государствах континентальной Европы (Франция, Швейцария и др.). Вторая в некоторых других странах (например, канадская провинция Квебек) (Трофимец, 2011: 12). Есть свойственные выделенным режимам особенности и положительные моменты. Например, в Германии увеличение стоимости имущества, достигнутое в браке, в случае прекращения режима раздельности считается принадлежащим в равных долях обоим супругам (Сакович, 2003: 160-163).

При разделе общего имущества супруги сначала должны погасить общие обязательства (Чефранова, 2007: 12). Е.А. Суханов справедливо заметил, что в состав имущества супругов могут входить не только вещи, но и имущественные права. Собственник имущества в действительности оказывается не только собственником вещей, но и управомоченным лицом в отношении имеющихся у него прав требования или пользования (а также обязанным лицом в отношении лежащих на нем долгов) (Маттеи, Суханов, 1999: 334-335).

Но есть и отрицательные черты. Не случайно в литературе отмечается, что германское общее право выработало поговорку: «Общность мать потасовок» (Зимелева, 2009: 231). Остановимся немного подробнее на вопросах регулирования имущественных отношений в романо-германском законодательстве, поскольку нормы российского семейного права во многом имеют схожие начала, но есть и отличия, которые требуют обсуждения и анализа в целях заимствования положительного опыта.

Законному режиму имущества супругов посвящены нормы § 1363-1390 подраздела 1 «Имущественные отношения по закону» раздела 6 «Режим имущественных отношений супругов» Гражданского уложения Германии (Гражданское Уложение Германии..., 2006: 347-355). Особенности здесь следующие.

Во-первых, к отношениям супругов применяется режим общности имущества, нажитого каждым из супругов во время брака, если брачным договором не установлено иное. Но режим общности носит условный характер, поскольку супруги в браке сохраняют каждый в собственности свое имущество. При этом каждый из супругов управляет своим

имуществом самостоятельно с учетом ограничений. При принятии и на себя обязательства в интересах семьи и исполнении обязательства требуется согласие другого супруга. При отсутствии согласия супруга суд своим решением может заменить такое согласие, когда отказ был без достаточных оснований. Договор, заключенный в интересах семьи без согласия другого супруга, но в последующем одобренный им, приобретает юридическую силу. Но односторонняя сделка, совершенная без необходимого согласия другого супруга, является недействительной.

Во-вторых, супруг вправе распорядиться принадлежащими ему предметами домашнего обихода семьи и принимать на себя обязательства, связанные с таким распоряжением, лишь с согласия другого супруга. Предметы, которые приобретены взамен более не существующих или утративших свою ценность предметов, становятся собственностью того из супругов, которому принадлежали ранее утраченные предметы. Сумма, на которую конечное имущество супруга превышает его первоначальное имущество, составляет нажитое во время брака имущество. Первоначальное имущество супруга – имущество, которое ему принадлежит на момент установления режима общности за вычетом его обязательств, конечное – на момент прекращения такого режима.

В-третьих, супруги наделены правом требования составления описи состава и стоимости первоначального имущества, а также его распределения. Например, если имущество, нажитое во время брака одним из супругов, превысит нажитое во время брака имущество другого супруга, то половина суммы превышения причитается другому супругу в качестве удовлетворения требования о распределении имущества. Размер требования ограничен стоимостью имущества за вычетом общих обязательств. Также после прекращения режима имущественных отношений, каждый из супругов обязан предоставить другому супругу сведения о составе своего конечного имущества.

Во Франции применительно к режиму имущества супругов существуют следующие особенности. Согласно ст. 1401 ГК Франции ([Французский гражданский кодекс...](#)) в состав общности входят: все движимое имущество, которым каждый из супругов владел при вступлении в брак; недвижимость, приобретенная возмездно в период брака; доходы от общего имущества супругов; заработок мужа. Заработок жены является ее обособленной собственностью, но при разводе это имущество рассматривается как общее и подлежит разделу. Управление общим имуществом принадлежит мужу без участия супруги. Интересно отметить, что в управлении мужа находится даже отдельная собственность супруги и он один вправе предъявлять иски об истребовании данной собственности. Также может запретить супруге получать вклад по сберегательной книжке.

Ущемление в правах женщин при законном режиме имущества на период управления им можно наблюдать в Италии. Здесь общность носит ограниченный характер. Семейное имущество находится в управлении мужа, состоит из имущества каждого супруга до тех пор, пока существует брак или пока дети не достигли совершеннолетия. После чего каждый из супругов может получить свою часть имущества. Аналогичный порядок управления сохраняется и при раздельном режиме.

4. Результаты

Изложенные подходы в правовом регулировании отношений, связанных с законным режимом имущества супругов в зарубежных странах, позволяет провести сравнение с отечественным опытом регламентации аналогичных отношений. В Семейном кодексе РФ закреплена глава 7 «Законный режим имущества супругов», нормы которой значительно отличаются от аналогичных зарубежных юридических конструкций. Во-первых, по нормам СК РФ у супругов отсутствует возможность по своему усмотрению выбрать ту или иную разновидность законного режима. Основу законного режима имущества супругов образует общность имущества, раздельность имущества и отложенная общность практически отсутствуют. Несмотря на схожесть модели, отечественное семейное право не позволяет распространить раздельность на имущество нажитое супругом до брака, либо в браке на собственные деньги. Например, суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них (п.4 ст. 38 СК РФ); имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время

брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью (п. 1 ст. 36 СК РФ).

Во-вторых, для отечественного правопорядка, так же как и в зарубежном правопорядке, очень сложно разрешимым вопросом является вопрос об отнесении доходов от имущества, принадлежащего каждому супругу, к общему имуществу супругов. В частности, ст. 34 СК РФ напрямую ответа не дает. Кроме того, это является частным случаем общей проблемы о составе имущества супругов и управления этим имуществом. Свойственное зарубежному праву управление общим имуществом супругов со стороны мужа, отечественное семейное право не закрепляет. Напротив, давая возможность управлять общим имуществом каждому из супругов, предполагая согласие другого супруга, за исключением объектов недвижимости (ст. 35 СК РФ), отечественный законодатель расширил принцип равенства супругов в браке и ввел дополнительные гарантии защиты интересов женщины. Это можно рассматривать в качестве положительного опыта, который может быть заимствован и зарубежным законодателем.

В-третьих, сравнивая отечественный опыт определения законного режима имущества супругов с американским правом, можно сделать вывод о том, российское семейное право в этой части обладает, на наш взгляд, преимуществом. Отсутствие дифференциации законного режима имущества супругов в зависимости от того, каким образом был заключен брак, уравнивает в семейных правах на общее имущество российских супругов. Также одному из супругов предоставляются большие гарантии защиты имущественных интересов при притязаниях кредиторов другого супруга. В частности, по обязательствам одного из супругов, взыскание обращается сначала на его имущество, а только при недостаточности имущества – на общее имущество супругов (ст. 45 СК РФ). Кроме того, имущество каждого из супругов, полученное при наследовании и дарении, не входит в общее имущество, как это наблюдается в американском праве. Такой подход позволяет при расторжении брака гарантировать бывшему супругу сохранность своего имущества, поскольку другой супруг не может на него претендовать.

В-четвертых, российское семейное право более расширяет принцип равенства супругов, поскольку режим общего имущества распространяет не только на движимые вещи, но и недвижимость, чего нельзя наблюдать в немецком праве. В тоже время, модель отношений, когда супруги на свое усмотрение и самостоятельно управляют своим имуществом в браке в российском семейном праве не определена. Контроль со стороны супруга за распоряжением общим имуществом в российском праве также менее выражен, поскольку отсутствует обязательная необходимость испрашивать согласие супруга при совершении сделки. Такой подход не выступает сдерживающим фактором при расточительстве одного из супругов. Нет и нормативно закрепленного права супруга требовать составления описи состава и стоимости первоначального имущества, что в ряде случаев не позволяет при отсутствии документов установить относится ли имущество к общему или принадлежит одному из супругов.

В то же время, несмотря на наличие более нормативных положений по отдельным вопросам, нельзя сделать вывод о том, что отечественное семейное право применительно к законному режиму имущества супругов, является более развитым в сравнении с зарубежным правом. На наш взгляд, имеются недостатки нормативного выражения отдельных юридических конструкций, вызванные особыми социально-экономическими условиями развития общества. Следует напомнить, что в зарубежных странах континентального права, например, в Германии, семейное право входит структурно в кодифицированный акт гражданского законодательства, в частности Германское Гражданское уложение. Такой подход является не случайным, поскольку в регулировании семейных отношений, в том числе применительно к законному режиму имущества супругов, механизм регулирования основан в большей степени на диспозитивных началах, а также добросовестности, разумности и справедливости.

Напротив, после революции 1917 г. отечественное семейное право развивалось в рамках другой концепции. Была попытка обоснования особенного, отличного от западных аналогов, советского права, для которого семья рассматривалась как экономическая ячейка общества. Это предопределило появление самостоятельного кодифицированного акта вне рамок гражданского законодательства. В основе разработки норм семейного права были

положены в большей степени императивные начала регулирования отношений, ограничивающие свободу усмотрения супругов во владении, пользовании и распоряжении совместно нажитым имуществом. В настоящее время отечественный законодатель пытается учитывать зарубежный опыт регулирования, однако «наследие» советского права все же еще сохраняется. Следствием этого, не сформирован подход в решении многих ключевых вопросов, которые возникают на практике. Например, крайне болезненным остается вопрос защиты прав несовершеннолетних детей при разделе совместно нажитого имущества супругов.

Известна практика вывода денежных средств супругов из режима общей совместной собственности через размещение их на расчетном счете несовершеннолетнего и последующим распоряжением тем родителем, с которым остается проживать несовершеннолетний после развода. Проблема в том, что деньги родитель расходует на свои нужды, а не на нужды ребенка, а семейное право не предусматривает пока действенный механизм контроля.

Есть проблемы, связанные с формированием конкурсной массы при банкротстве одного из супругов, поскольку иногда четко установить принадлежит ли имущество одному из супругов или является совместно нажитым, достаточно сложно. Это связано с возможностью признания права совместной собственности на имущество каждого из супругов (ст. 37 СК РФ). Тогда, если при формировании конкурсной массы, другой супруг предъявляет иск о признании права совместной собственности, то здесь может возникнуть проблема злоупотребления правами, так как при предъявлении иска цель может быть связана с затягиванием процесса по банкротству другого супруга.

Можно обратить внимание также на проблему не достаточной защиты супруга оспаривающего сделку по распоряжению общим имуществом (ст. 35 СК РФ). Бремя доказывания того, что при отчуждении имущества вторая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии согласия супруга, лежит на самом супруге. Такой подход практически не позволяет в суде представить доказательства заведомой осведомленности приобретателя имущества об отсутствии согласия супруга. Норма семейного права практически не работает.

Изложенные положения определяют необходимость дальнейшего реформирования норм отечественного права, учитывая также современные достижения зарубежных правовых систем. В основе разработке норм, должен учитываться баланс взаимных интересов супругов, а также третьих лиц, который должен приводить к равновесию. В зарубежной доктрине континентального права, ученые давно уже ушли от юриспруденции понятий, и перешли к юриспруденции интересов. Именно к равновесию интересов должен стремиться законодатель, разрабатывая правовые нормы. Данный подход целесообразно рассмотреть и при реформировании норм отечественного семейного права.

5. Заключение

Таким образом, проведенный некоторый анализ зарубежного семейного законодательства, позволяет сделать ряд выводов, которые могут представлять интерес и при реформировании российского семейного права.

Первое. В семейном праве зарубежных стран легальный режим имущества супругов может быть разным. В частности, следует выделить режим общности, режим раздельности, и смешанный режим. Выбор отдельного режима зависит либо от усмотрения супругов, что можно рассматривать в качестве положительного опыта, либо предопределен законом. Содержание выделенных режимов во многих государствах имеет общие черты, однако присутствуют различия в моменте установления такого режима и его прекращения. Объединяющей все режимы проблемой является вопрос определения объекта совместной собственности и защите более «слабого» в социальном плане супруга при управлении общей собственностью.

Второе. Анализ германского семейного законодательства позволяет утверждать, что есть основания для заимствования положительного опыта применительно к отечественному семейному праву. В частности, здесь интерес представляет механизм определения стоимости имущества, поступающего в общую собственность; существует множество норм, которые защищают добросовестного супруга в период брака и после расторжения. Однако немецкое

семейное законодательство также имеет пробел по вопросу защитного механизма от злоупотребления одним из супругов своими правами (например, раскрытия информации в отношении имущества и др.). Положения французского и итальянского семейного права не могут быть заимствованы, поскольку при управлении имуществом существенно ограничивается со стороны супруги возможность осуществления права собственности, что неизбежно приведет к проблемам правоприменения.

Литература

[Гражданское и торговое право..., 1968](#) – Гражданское и торговое право капиталистических государств / отв. ред. К.К. Яичков. М.: Международные отношения, 1968.

[Гражданское и торговое право..., 1980](#) – Гражданское и торговое право капиталистических стран: учебное пособие / отв. ред. В.П. Мозолин, М.И. Кулагин. М.: Высшая школа, 1980.

[Гражданское и торговое право..., 2006](#) – Гражданское и торговое право зарубежных государств. Часть II / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М.: Международные отношения, 2006.

[Гражданское Уложение Германии..., 2006](#) – Гражданское Уложение Германии (пер. с нем.) / науч. ред. А.Л. Маковский. М.: Волтерс Клувер, 2006.

[Зенин, 1992](#) – *Зенин И.А.* Гражданское и торговое право капиталистических стран: учебное пособие. М.: МГУ, 1992.

[Зимелева, 2009](#) – *Зимелева М.В.* Общая собственность в советском гражданском праве (часть первая) // *Вестник гражданского права*. 2009. № 4. С. 231.

[Маттеи, Суханов, 1999](#) – *Маттеи У., Суханов Е.А.* Основные положения права собственности. М., 1999.

[Сакович, 2003](#) – *Сакович О.М.* Правоотношения супругов по зарубежному законодательству // *Журнал российского права*. 2003. № 10. С. 159-167.

[Синельникова, 2007](#) – *Синельникова Т.Ю.* Имущественные отношения супругов как объект правового регулирования // *Семейное и жилищное право*. 2007. № 3. С. 7-11.

[Трофимец, 2011](#) – *Трофимец И.* Имущество: правила раздела // *Юридическая газета*. 2011. № 17. С. 12-13.

[Французский гражданский кодекс...](#) – Французский гражданский кодекс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yurclub.ru>

[Чефранова, 2007](#) – *Чефранова Е.А.* Ограниченные вещные права в составе общего имущества супругов // *Семейное и жилищное право*. 2007. № 2. С. 11-16.

References

[Chefranova, 2007](#) – *Chefranova E.A.* (2007). Ogranichennye veshchnye prava v sostave obshchego imushchestva suprugov [Limited property rights as part of the common property of the spouses]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 2: 11-16 [in Russian].

[Frantsuzskii grazhdanskii kodeks](#) – Frantsuzskii grazhdanskii kodeks. [French Civil Code]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.yurclub.ru>

[Grazhdanskoe i torgovoe pravo..., 1968](#) – Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh gosudarstv [Civil and Commercial Law of the Capitalist States]. отв. ред. К.К. Yaichkov. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1968 [in Russian].

[Grazhdanskoe i torgovoe pravo..., 1980](#) – Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh stran [Civil and commercial law of foreign countries]: uchebnoe posobie / отв. ред. V.P. Mozolin, M.I. Kulagin. М.: Vysshaya shkola, 1980 [in Russian].

[Grazhdanskoe i torgovoe pravo..., 2006](#) – Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh gosudarstv [Civil and commercial law of foreign countries]. Chast' II. отв. ред. E.A. Vasil'ev, A.S. Komarov. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006 [in Russian].

[Grazhdanskoe Ulozhenie Germanii..., 2006](#) – Grazhdanskoe Ulozhenie Germanii [Civil Code of Germany]. (per. s nem.) / nauch. red. A.L. Makovskii. М.: Volters Kluver, 2006 [in Russian].

[Mattei, Sukhanov, 1999](#) – *Mattei, U., Sukhanov, E.A.* Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti [The basic provisions of ownership]. М., 1999 [in Russian].

Sakovich, 2003 – *Sakovich, O.M.* (2003). Pravootnosheniya suprugov po zarubezhnomu zakonodatel'stvu [The legal relations of spouses in foreign law]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 10: 159-167 [in Russian].

Sinel'nikova, 2007 – *Sinel'nikova, T.Yu.* (2007). Imushchestvennye otnosheniya suprugov kak ob'ekt pravovogo regulirovaniya [The property relations of spouses as an object of legal regulation]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 3: 7-11 [in Russian].

Trofimets, 2011 – *Trofimets, I.* (2011). Imushchestvo: pravila razdela [The property: rules of the section]. *Yuridicheskaya gazeta*. 17: 12-13 [in Russian].

Zenin, 1992 – *Zenin, I.A.* (1992). Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh stran [Civil and commercial law of the capitalist countries:]: uchebnoe posobie. M.: MGU [in Russian].

Zimeleva, 2009 – *Zimeleva, M.V.* (2009). Obshchaya sobstvennost' v sovetskom grazhdanskom prave (chast' pervaya) [The common property in Soviet civil law (part one)]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 4: 231 [in Russian].

УДК 347.0

О законном режиме имущества супругов в семейном праве зарубежных стран

Олег Геннадьевич Ершов ^{a, *}, Елена Ивановна Шилько ^a

^a Омская академия МВД России, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследованы вопросы законного режима имущества супругов в семейном праве зарубежных стран. В частности на основе анализа законодательства стран романо-германской системы права (Германия, Франция) и англо-саксонской системы права (Англия, США) сделаны выводы о возможности заимствования положительного зарубежного опыта в целях последующего реформирования норм российского семейного права. Интерес представляет механизм определения стоимости имущества, которое поступает в общую собственность, а также нормы, защищающие супруга в период брака и после его расторжения. Также делается вывод о том, что при реформировании зарубежного семейного права законодатель может воспринять отечественный опыт регламентации семейных отношений связанных с законным режимом имущества супругов. В частности, интерес может представлять принцип равенства супругов в браке, который позволяет гарантировать защиту интересов каждого супруга в период осуществления владения, пользования и распоряжения общим имуществом. Такие гарантии связаны с равными возможностями в управлении общим имуществом; отсутствии дифференциации законного режима в зависимости от того, каким способом заключен брак; обращением взыскания по требованию кредиторов на имущество супруга, а затем на общее имущество; расширение перечня имущества подпадающего под законный режим.

Ключевые слова: семейное право, режим имущества супругов, Германия, Франция, Англия, США.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ershov_@rambler.ru (O.G. Ershov), shilele@mail.ru (E.I. Shielko)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 12-19

DOI: 10.13187/zngup.2017.4.12
<http://ejournal22.com>

UDC 343.13

Domestic Violence Criminal Proceedings: Some Problems of Practical Application, Perspective Development

Ivan I. Markov ^a, Andrey Y. Klyuchnikov ^{b, *}

^a Lipetsk regional court, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk affiliated branch, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the questions of criminal cases procedure on domestic violence, a concept and social identity of the «violence» term. The author proves the thesis that aren't an effective legal model for combating domestic violence, because in practice it is difficult to differentiate private and public criminal charges relating to the offence of honor, dignity, and health connected by domestic violence. An important goal is an individual recovery, reflected by the compensation of physical losses and the cost of the victim's psychological rehabilitation. The article argues the need to provide additional procedural safeguards for victims, studies a problem of the procedural balance of the parties. A mediation institution should be one of the most effective ways of domestic violence combating. Mediation agreement could help for the first instance court to establish the actual will of the parties before trial. Mandatory mediation in criminal cases could be the base for the crimes cases resolution of minor and misdemeanor offenses and in careless crimes. The authors offer practical amendments to change criminal procedure Code, for authority and public coordination in domestic violence prevention and crime combating.

Keywords: domestic violence, victim, court, procedural guarantees.

1. Введение

В последние годы проблема домашнего насилия, традиционно носящая социально-правовой характер, приобретает все большую остроту, проявляя все новые, ранее не свойственные данному явлению черты. Несмотря на то, что проблеме уделяется немало внимания как со стороны органов государства, так и научного сообщества, остается немало вопросов. В частности, на сегодняшний день не создана эффективная правовая модель борьбы с домашним насилием, когда на практике сложно дифференцировать дела частного и публичного обвинения, касающегося посягательство на честь, достоинство, здоровье лиц, связанных семейными узами. Суды часто связаны сформированной практикой применения в исследуемой области, тогда как дела о домашнем насилии требуют особого подхода, поскольку затрагивают основу нашего государства – семью как ячейку общества. Важным

* Corresponding author

E-mail addresses: andrew19871961@mail.ru (A.Y. Klyuchnikov)

аспектом является и фактическое нивелирование правоприменителем психологических последствий воздействия на жертву, когда учету подлежат только степень вреда здоровью. Комплексное изучение феномена домашнего насилия представляется важным, особенно в свете постоянно меняющегося законодательства.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе анализа российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, научной литературы. В процессе исследования применялась совокупность общенаучных (анализ и синтез, логический и др.) и частнонаучных (логико-формальный, системного анализа, сравнительно-правового и др.) методов теоретического исследования.

3. Обсуждение

Термин «домашнее насилие» как социальное явление, закрепленное в уголовных кодексах многих зарубежных стран в качестве самостоятельного состава преступления, аналогов в Уголовном кодексе РФ не имеет. Как разъяснено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года, «по смыслу Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. государства должны принимать надлежащие и эффективные меры в целях искоренения всех форм насилия как со стороны государственных органов, так и частных лиц, в силу чего на государства может быть возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации». Вместе с тем, должного нормативного регулирования институт домашнего насилия в России по-прежнему не имеет.

В настоящее время институт реализуется посредством норм ст. 115, 116.1 УК РФ (дела частного обвинения), ст. 111, 112, 117, 119 УК РФ (дела публичного обвинения), однако регулирование происходит опосредованно, сквозь призму изменяющихся фактических обстоятельств.

Представляется, что домашнее насилие можно определить как умышленное преступление, направленное на причинение виновным лицом вреда физическому или психическому здоровью другого лица (жертвы), находящегося от него в материальной и иной зависимости, проживающих в одном жилом помещении, и образующие семью. Деяние часто носит длящийся характер. Отличительными признаками насильственных преступлений, относящихся к проявлениям семейного (домашнего) насилия являются: связь с семейно-бытовой сферой отношений; наличие мотивационного аспекта, основу которого составляют, как правило, личная неприязнь, ревность, месть, хулиганские побуждения, виктимное поведение; наличие между виновным и потерпевшим семейного, родственного, либо иного близкого общения (в том числе вне официальных рамок), причинно связанного с совершением преступления (Tehr, 1990: 89).

Как справедливо отмечает Е.Р. Шестопалова, анализ действующих в России нормативно-правовых актов в отношении насилия, в том числе и домашнего, свидетельствует о направленности их в основном на устранение последствий случившегося (Шестопалова, 2012: 89). В этой связи установление эффективного процессуального механизма по уголовным делам о домашнем насилии – вопрос государственного значения.

Первым важным процессуальным аспектом при производстве по уголовным делам о домашнем насилии выступает необходимость максимальной защиты прав, восстановления законных интересов потерпевшего (жертвы). Особая социальная доминанта вытекает из статуса участников производства: обвиняемым (подсудимым) и потерпевшим становятся близкие друг другу лица, включая несовершеннолетних детей. В этой связи производство по уголовному делу становится необычайно щепетильным вопросом. Кроме того, специфика семейных отношений влечет за собой высокую латентность данных преступлений (Ellenberger, 1954: 119).

Как представляется, по делам о домашнем насилии восстановление социальной справедливости как одна из целей наказания по смыслу ч. 2 ст. 43 УК РФ должно

толковаться правоприменителем не только как борьба с общегосударственной проблемой через воздействие на виновное лицо мерами уголовно-правового принуждения, но и как общая превенция. Важной задачей является индивидуальное восстановление, выражающееся в компенсации «физических» потерь и затрат жертвы, психологической реабилитации и нивелировании негативных последствий социальной несправедливости в отношении потерпевшего. Правоприменитель должен четко различать проявления домашнего насилия как в криминальной, так и некриминальной формах (Zerrios, 1991: 290).

Создание эффективной модели борьбы с домашним насилием предполагает обязательный учет интересов потерпевшего, но актуальное регулирование уголовного преследования по данной категории дел далеко не всегда способно реализовать их в полном объеме. Так, если по делам частного обвинения производство может быть прекращено в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), то по делам публичного обвинения – только если впервые (ст. 76 УК РФ) совершено преступление небольшой или средней тяжести при условии примирения с потерпевшим и заглаживания вреда (ст. 25 УПК РФ).

Как отмечает Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, даже если обвиняемое лицо примирилось с потерпевшим, загладило причиненный ему вред, имеется согласие подсудимого на прекращение дела, суд вправе и не прекращать производство по делам частного-публичного, публичного обвинения при наличии указанных условий, несмотря на императивное указание об этом в статье 254 УПК РФ. С учетом конкретных обстоятельств содеянного, оценки характера и степени общественной опасности деяния, отягчающих наказание обстоятельств, данных о личности виновного суд может отказать в прекращении дела за примирением сторон (Лебедев, 2013: 238).

Аналогичный подход содержат и международные стандарты. Статья 55 Конвенции Совета Европы о предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье от 7 апреля 2011 г. № 120 (Стамбульская конвенция) исключает прекращение уголовного преследования и судебного разбирательства в случае отказа жертвы от заявления по делам о физическом и сексуальном насилии.

Следствие, суды вынуждены исходя из фактических обстоятельств дела анализировать и применять значительное количество оценочных понятий, категорий, являющихся по своей природе как правовыми, так и социальными (нормы морали, нравственности), например, особая жестокость, истязание, психотравмирующая ситуация.

Вопросы факта, носящие оценочный характер, влекут в каждом случае правовую нестабильность, а в свете инстанционности судопроизводства могут быть интерпретированы по-разному.

Снизить такую зависимость позволит всестороннее исследование произошедшего конфликта между обвиняемым и потерпевшим при условии, что компенсация имущественного, физического, а особенно психологического вреда последнего станут основой судопроизводства. По делам о побоях, истязании, угрозе убийством, домашнем насилии правоприменитель должен отталкиваться не от ретрибутивного основания ответственности, строящегося на наказании, а от реститутивного основания (от лат.), предполагающего восстановление положения, существовавшего до нарушения субъективного права и справедливую компенсацию.

На наш взгляд, в этой части широта судебского усмотрения в последнее время справедливо ограничивается рамками медиативного соглашения, которое позволяет оказать безусловную практическую помощь суду первой инстанции в установлении действительной воли сторон до начала судебного разбирательства. При необходимости суд второй инстанции сможет проверить такое волеизъявление сквозь призму фактических обстоятельств дела. Думается, что в перспективе при условии введения обязательной медиации по уголовным делам она должна стать основой разрешения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, а в ряде случаев – преступлений с неосторожной формой вины.

Важным аспектом проблемы становится также и отказ от «механического» определения размера компенсаций по гражданскому иску в части морального вреда, поскольку применительно к домашнему насилию исследователи используют более широкие понятия насилия, психологического вреда.

Насилие психологами определяется как намеренная агрессия в виде применения физической силы или угрозы ее применения, основанная на доминировании одного лица над другим, последствием которого выступает физический и/или психологический вред. Лицо, совершающее домашнее насилие, старается, чтобы его жертва оставалась «закрытой в доме», не общалась с родственниками и друзьями, безгранично подчинялась «его правилам».

Имея разный характер воздействия, психологический вред может проявляться не только в волевом целенаправленном воздействии на сознание жертвы, но и в интеллектуальном превосходстве, когда познавательная сфера жертвы «сужена» ввиду многолетней изоляции от мира, худшего образования, недостаточных знаний об окружающей действительности.

Возможно воздействие и на эмоциональную сферу потерпевшего. Многолетнее применение насилия вызывает перманентное ощущение испуга, тревоги, часто перерастающее в психический паралич, «синдром жертвы», в науке именуемый «выученной беспомощностью» (*learned helplessness phenomenon*). Как отмечает Б. Шварц, изначально жертвы стараются активно противостоять актам насилия, но видя, что предпринимаемые меры (попытки поговорить, угрозы ухода из семьи, поиск поддержки у близких) эффекта не дают, утрачивают контроль над ситуацией и перестают реагировать даже на попытки помощи извне. Посттравматические изменения центральной нервной системы, механические повреждения, длительный и интенсивный стресс могут привести к необратимым последствиям ([Schwartz, 2000: 31](#)).

Как видно, насилие является многогранным социальным явлением, подлежит дифференциации по степени воздействия на потерпевшего. На наш взгляд, внешние формы его проявления, последствия для жертвы должны отражаться в итоговом решении по уголовному делу. На практике же разная степень психологического воздействия правоприменителем учету не подлежит, а назначаемое наказание своих целей не достигает.

Другой задачей эффективного производства по делу является необходимость устранения психологического неравенства между обвиняемым и потерпевшим посредством уголовно-процессуальных гарантий, позволяющих обеспечить их «правовое выравнивание».

Основу доказательственной базы по делам о домашнем насилии составляют показания сторон (ст. 76–78 УПК РФ), свидетелей, протоколы об отказе свидетельствовать против супруга, других близких родственников (ст. 79 УПК РФ), заключение с результатами освидетельствования или судебной экспертизы (ст. 144, 179 УПК РФ). В этой части на стадии предварительного расследования сохраняется относительный процессуальный паритет сторон.

Однако с момента направления дела с обвинительным актом, заключением в суд баланс нарушается. Потерпевший в судебном разбирательстве по делам публичного обвинения рассматривается не более чем «источник информации», поскольку в случае отказа государственного обвинителя от обвинения не замещает его (субсидиарный обвинитель), а лишь ждет разрешение вопроса о наказании и возмещении вреда, определяемых по усмотрению должностных лиц («монополия прокуратуры на распоряжение обвинением») ([Лапатников, 2014: 38](#)). Судебная практика выработала лишь единственное исключение, когда только при наличии заявления потерпевшего о желании привлечь подсудимого к уголовной ответственности суд вправе вынести обвинительный приговор без учета мнения прокурора (ввиду установленной в судебном заседании необходимости переквалификации деяния на статьи 115, 116 УК РФ, с учетом п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 1996 г. N 1 «О судебном приговоре»).

Защита от имени государства интересов законности, общественных интересов как основных функций прокурора в уголовном судопроизводстве часто отодвигают на второй план законные интересы потерпевшего. Кроме того, в силу принципа неделимости любой из прокуроров выступает от имени прокуратуры в целом, а действующий УПК РФ позволяет сменять прокуроров в ходе судебного разбирательства. Вступление в дело нового прокурора, знакомящегося с материалами дела «по бумагам», разрушает и без того хрупкое равновесие.

Для потерпевшего судебный процесс – исключительный, личный опыт, в котором соединяются определенные надежды. Если они не реализуются, он покидает зал судебного заседания с чувством несправедливости и повторной обиды. Суд при вынесении решения в

подавляющем большинстве случаев руководствуется исключительно публичными интересами, сложившейся судебной практикой, что порождает в ряде случаев формальный подход к учету законных интересов потерпевшего. Проблема кроется в том, что уголовно-процессуальный закон в этой части оставляет мало возможностей для маневра, посылного только опытным и квалифицированным судьям. Думается, что законодатель создал очень небольшое пространство потерпевшему, в пределах которого он может оказывать влияние на ход и результаты уголовного судопроизводства.

Проблемы создает и тактика сторон, например, при наличии смежного бракоразводного процесса. Факт инициации уголовного производства укрепляет позиции потерпевшего в производстве по семейному делу, вызывается желанием «очернить» супруга, сделать его виновной стороной в распаде семьи, получить большие материальные выгоды. Презумпция равенства сторон перед судом нарушается, а факты, отраженные в решении одного суда, могут стать преюдициальными для другого.

В этой связи возникает вопрос о тех процессуальных мерах, которые способны не только достичь целей наказания в виде исправления осужденного, восстановления социальной справедливости (ст. 43 УК РФ), но и обеспечить интересы потерпевшего при сохранении баланса сторон, а может даже и сохранить семью.

Прежде всего, проблема возникает с закрепленными в главе 13 УПК РФ мерами процессуального принуждения: применительно к домашнему насилию они являются либо чрезвычайно суровыми (заключение под стражу), либо не достигают своих целей в виде изоляции от потерпевшего (подписка о невыезде, домашний арест).

В качестве возможной меры превентивного характера можно предложить известный многим правовым порядкам институт охранного приказа, обеспечивающий достижение физического расстояния между обвиняемым и потерпевшим. Они могут иметь разную направленность. Практике известны судебный приказ об удержании, о запрете совершения конкретного действия, о выселении, об ограничении или запрете контактов с детьми, запреты на почтовые отправления. Судья, выдавая приказ, не вправе входить в обсуждение вопроса о вине, ответственности, однако целенаправленно определяет обвиняемому социально позитивную модель поведения через устанавливаемые запреты вплоть до завершения предварительного расследования. Думается, что в зависимости от последующего поведения обвиняемого суд вправе усилить или смягчить применяемую меру.

Институт охранного приказа в зависимости от характера меры мог бы быть закреплен в разделе 4 УПК РФ «Меры процессуального принуждения» и применяться либо по судебному решению, либо органом предварительного расследования с последующим судебным контролем (например, формируемым институтом следственных судей). На наш взгляд, институт должен содержать широкий спектр запретительных мер, которые позволят суду, с учетом обстоятельств дела, принять наиболее эффективную. Согласимся с мнением Л.А. Чикановой, что «включение подобных норм могло бы способствовать «приведению в чувство» многих правонарушителей» ([Аналитический обзор на тему...: 17](#)).

Однако указанная мера является временной, пресекающей усугубление конфликта, но не всегда способна его погасить.

В этой связи путем выхода из ситуации могло бы стать введение в процессуальное законодательство посредничества (медиации) по уголовным делам о домашнем насилии. Поскольку оно направлено, прежде всего, на устранение психологического дисбаланса, поиск взаимоприемлемых для сторон путей выхода из ситуации, реализуется независимым третьим лицом, а не должностным лицом следствия или суда, это повышает состязательность сторон, процессуальную активность потерпевшего, помогает достичь оптимального разрешения конфликта ([McQuigg, Ronagh, 2011](#)).

По мнению А.К. Большой, восстановительный подход в правосудии успешно применяется при таких составах преступления, как преступления, совершенные на почве ненависти, преступления против личности, насильственные действия сексуального характера, домашнее насилие (например, ч. 5 ст. 41–1 УПК Франции предусматривает право прокурора по требованию или с согласия жертвы провести медиацию между правонарушителем и жертвой домашнего насилия) ([Лебедев, Хабриева, 2013: 171](#)).

В целом преимущества медиации базируются на трех основаниях: осознание обвиняемым (подсудимым) характера и степени причиненного вреда, сокращение

процессуальных издержек по уголовному делу, достижение целей наказания. В обмен на смягчение наказания виновное лицо принимает на себя дополнительные обязанности, вытекающие из медиативного соглашения.

Предпосылкой заключения соглашения является изменение поведения обвиняемого через деятельное раскаяние, принятие мер по возмещению вреда, в том числе и на будущее, в конечном счете – изменение правосознания. Он иначе будет думать о своей вине, о назначенном наказании, даст суду основания назначить более мягкое наказание из перечня предусмотренных статьей 44 УК РФ. Уголовный закон предусматривает широкий спектр институтов, позволяющих снизить меру уголовно-правового воздействия, освободить подсудимого от наказания или ответственности: активное содействие раскрытию и расследованию преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), позитивное поведение при назначении условного осуждения (ч. 3 ст. 73 УК РФ), деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим (ст. 75–76 УК РФ). Если своим поведением подсудимый докажет желание исправиться уже на этапе досудебного производства, возьмет на себя определенные обязательства, суд сможет с большей уверенностью применять данные меры. Контроль же потерпевшего как заинтересованной стороны за исправлением подсудимого может быть эффективнее государственного контроля.

В этой связи, в ст. 299 УПК РФ о вопросах, разрешаемых судом при постановлении приговора, необходимо внести пункт 8.1. в редакции: «имеются ли основания для применения результатов посредничества (медиации)».

4. Результаты

1. Домашнее насилие необходимо понимать как умышленное деяние преступление, направленное на причинение виновным лицом вреда физическому или психическому здоровью потерпевшего, находящегося от него в материальной и иной зависимости, проживающих в одном жилом помещении, и образующие семью.

2. Применение норм о домашнем насилии позволяют выделить основные проблемы, препятствующие созданию эффективной модели борьбы с ним: отсутствие нормативного закрепления института, характер уголовного судопроизводства, отсутствие нормативных регуляторов, позволяющих ограничить широту усмотрения правоприменителя.

3. Основой эффективной правовой модели противодействия домашнему насилию должна стать медиация, поскольку отражает волеизъявление сторон, позволяет нивелировать последствия конфликта, разгрузить органы следствия и суды от несвойственных им функций.

5. Заключение

Изложенное позволяет прийти к выводу, что производство по делам о домашнем насилии обладает следующими признаками: может осуществляться в порядке как частного, так и публичного обвинения, с учетом фактических обстоятельств дела может не подлежать прекращению даже в случае согласия на это потерпевшего, изначально таит в себе угрозу процессуального дисбаланса статуса потерпевшего и обвиняемого, предполагает применение оценочных понятий. К недостаткам актуальной модели можно отнести акцент на устранение последствий преступления без учета действительных интересов потерпевшего, отсутствие в законе мер процессуального принуждения, позволяющих сохранить баланс интересов сторон и целей правосудия, формальный подход к определению степени и характера причиненного вреда. В качестве возможных мер, способных изменить ситуацию, можно предложить ввести в уголовно-процессуальный закон меры принуждения, ограничивающие отдельные конституционные права и свободы (на общение с отдельными лицами, переписку), посредничество (медиацию), развивать программы предупреждения и борьбы с домашним насилием, создать сеть кризисных центров на уровне субъектов РФ.

Литература

[Аналитический обзор на тему...](#) – Аналитический обзор на тему: «Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда» / под. ред.

Л.А. Чикановой [Электронный ресурс]: Электронное периодическое издание Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс»: Версия Проф.

[Лапатников, 2014](#) – *Лапатников М.В.* Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // *Российская юстиция*. 2014. № 2. С. 37-41.

[Лебедев, 2013](#) – *Лебедев В.М.* Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. 824 с.

[Лебедев, Хабриева, 2013](#) – *Лебедев В.М., Хабриева Т.Я.* Правосудие в современном мире: монография. М.: Норма, 2013. 674 с.

[Шестопалова, 2012](#) – *Шестопалова Е.Р.* Особенности правового регулирования криминальной виктимности женщин и профилактика семейного насилия // *Административное и муниципальное право*. 2012. №8. С. 86-89.

[Ellenberger, 1954](#) – *Ellenberger, H.* (1954). Relations psychologiques entre le crime et la victime // *Jbid.* 2: 38.

[McQuigg, Ronagh, 2011](#) – *McQuigg, Ronagh, J.A.* Potential problems for the effectiveness of international human rights law as regards domestic violence" // in *McQuigg, Ronagh J.A.* International human rights law and domestic violence: the effectiveness of international human rights law. Oxford New York: Taylor & Francis, 2011.

[Schwartz, 2000](#) – *Schwartz, B.* (2000). From Helplessness to Hope: The Seminal Career of Martin Seligman. Radnor, 38 p.

[Tehr, 1990](#) – *Tehr, H.* (1990). Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Herald Press, 772 p.

[Zerrios, 1991](#) – *Zerrios, D.* (1991). Domestic violence: risk factors and outcomes. *The Western Journal of Medicine*. BMJ Group. 2: 303.

References

[Analiticheskii obzor na temu...](#) – *Analiticheskii obzor na temu: «Sootvetstvie rossiiskogo zakonodatel'stva trebovaniyam mezhdunarodnoi organizatsii truda»* [The analytical review on the topic: "Conformity of Russian legislation with the requirements of the international labor organization"]. pod. red. L.A. Chikanovoi [Elektronnyi resurs]: Elektronnoe periodicheskoe izdanie Spravochnaya Pravovaya Sistema «Konsul'tantPlyus»: Versiya Prof. [in Russian].

[Lapatnikov, 2014](#) – *Lapatnikov, M.V.* (2014). Perspektivy subsidiarnogo obvineniya v rossiiskom ugovnom protsesse [The prospects of a subsidiary accusation in the Russian criminal trial]. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2: 37-41. [in Russian].

[Lebedev, 2013](#) – *Lebedev, V.M.* (2013). Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Aktual'nye voprosy sudebnoi praktiki, rekomendatsii sudei Verkhovnogo Suda RF po primeneniyu ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na osnove noveishei sudebnoi praktiki [The practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The actual issues of judicial practice, recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal procedural legislation on the basis of the latest jurisprudence]. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 824 s. [in Russian].

[Lebedev, Khabrieva, 2013](#) – *Lebedev, V.M., Khabrieva, T.Ya.* (2013). Pravosudie v sovremennom mire [The justice in the modern world]: monografiya. M.: Norma, 674 s. [in Russian].

[Shestopalova, 2012](#) – *Shestopalova, E.R.* (2012). Osobennosti pravovogo regulirovaniya kriminogennoi viktimnosti zhenshchin i profilaktika semeinogo nasiliya [The peculiarities of the legal regulation of the crime victimization of women and the prevention of family violence]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 8: 86-89. [in Russian].

[Ellenberger, 1954](#) – *Ellenberger, N.* (1954). Relations psychologiques entre le crime et la victim. *Jbid.* 2: 38 [in French].

[McQuigg, Ronagh, 2011](#) – *McQuigg, Ronagh, J.A.* Potential problems for the effectiveness of international human rights law as regards domestic violence". in *McQuigg, Ronagh J.A.* International human rights law and domestic violence: the effectiveness of international human rights law. Oxford New York: Taylor & Francis, 2011 [in English].

[Schwartz, 2000](#) – *Schwartz, B.* (2000). From Helplessness to Hope: The Seminal Career of Martin Seligman. Radnor, 38 p. [in English].

[Tehr, 1990](#) – *Tehr, H.* (1990). Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Herald Press, 772 p. [in English].

[Zerrios, 1991](#) – *Zerrios, D.* (1991). Domestic violence: risk factors and outcomes. *The Western Journal of Medicine*. BMJ Group. 2: 303 [in English].

УДК 343.13

О некоторых вопросах уголовного судопроизводства по делам о домашнем насилии

Иван Иванович Марков ^a, Андрей Юрьевич Ключников ^{b, *}

^a Липецкий областной суд, Российская Федерация

^b Липецкий филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы производства по уголовным делам о домашнем насилии, раскрывается понятие и социальные черты данного института, дается характеристика термина «насилие». Авторами обосновывается тезис о том, что на сегодняшний день не создана эффективная правовая модель борьбы с домашним насилием, поскольку на практике сложно дифференцировать дела частного и публичного обвинения, касающегося посягательство на честь, достоинство, здоровье лиц, связанных семейными узами. Важной задачей становится индивидуальное восстановление, выражающееся в компенсации физических потерь и затрат жертвы, психологической реабилитации. Обосновывается тезис о необходимости предоставления дополнительных процессуальных гарантий потерпевшим по таким категориям дел, исследуется проблема процессуального баланса сторон. Одним из эффективных способов борьбы с домашним насилием должен стать институт медиации. С помощью медиативного соглашения суд первой инстанции может установить действительную волю сторон до начала судебного разбирательства. Обязательная медиация по уголовным делам может стать основой разрешения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, а в ряде случаев – преступлений с неосторожной формой вины. Авторами сделаны предложения практического характера, направленные на внесение необходимых изменений в уголовно-процессуальное законодательство, координацию органов власти и общественности в профилактике и борьбе с домашним насилием.

Ключевые слова: домашнее насилие, жертва, суд, процессуальные гарантии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrew19871961@mail.ru (А.Ю. Ключников)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.

ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 20-28

DOI: 10.13187/zngup.2017.4.20
<http://ejournal22.com>

UDC 341,4; 343,98; 343,141

The Remote Interaction between the Public Commission and International Judicial Instances

Alexander M. Moiseev ^{a, *}, Aleksey M. Zhygulin ^b

^a Donbass Law Academy, the Donetsk People's Republic

^b Bar Council of Donetsk People's Republic, the Donetsk People's Republic

Abstract

The documentation technology of the crimes of the international character in the territories of the armed conflict has been considered. The public commission, which carries out this documentation, serves as an out-of-procedural subject of proof in the international judicial proceedings. It interacts with international judicial instances by providing them with its testimony, drawn up on the results of the carried out documentation. It has been shown that the specialist and expert, who participated in the documentation, can provide explanations in the international court. The explanations are defined as getting help in the interpretation of the drawn up testimony from the representatives of the public commission by the prosecutor, court and other members of the international judicial process. The preference of such explanations in written form has been substantiated. The written explanations of the specialist (expert) are available for the control by the subjects of international judicial proceedings. The other preferences in the organization of interaction between the representatives of the public commission and the international judicial instances have been formulated. The problem solutions of the procedural control of the remote interaction between the representatives of the public commission and an international court have been suggested. The prospects of the remote mode of such interaction on the assumption of using the opportunities of the automated work place of the specialist (expert).

Keywords: international court, documentation, out-of-procedural subject, interaction, explanation, remote questioning.

1. Введение

На территориях вооруженного конфликта совершаются военные преступления, подпадающие под юрисдикцию международных судебных инстанций. Процессуальная фиксация таких преступлений в указанных условиях затруднена вследствие ряда причин военного и политического характера. В ДНР документирование событий с признаками военных преступлений осуществляет общественная комиссия (Жигулин, 2015: 257). Составленное ею заключение подлежит рассмотрению в международных судебных инстанциях. По отношению к международному суду общественная комиссия, предоставившая заключение, определена как внепроцессуальный субъект доказывания

* Corresponding author

E-mail addresses: moiseev.alex@i.ua info@zhygulin.com

(Моисеев, Жигулин, 2016). Поэтому не исключено непосредственное взаимодействие этого субъекта и суда в рамках международного судопроизводства. В технологии документирования предусмотрен этап сопровождения общественной комиссией своего заключения в судебном заседании путем предоставления суду разъяснений (Moiseev, Zhygulin, 2016). Очевидно, что различные участники международного судопроизводства могут по-разному относиться к результатам документирования, в соответствии со своей позицией по поводу обстоятельств данного события. По нашим наблюдениям, между общественной комиссией и представителями международных судебных инстанций нередко возникает непонимание. В связи с этим подчеркиваем актуальность изучения условий судебного рассмотрения материалов документирования, с целью разрешения противоречий, возникающих вследствие возможного несоответствия компетенции специалистов-членов рабочей группы по документированию, эксперта, и субъектов международного судопроизводства.

Цель нашего исследования – конкретизировать условия и на их основе дать рекомендации по организационному обеспечению допроса представителя общественной комиссии в международной судебной инстанции.

2. Материалы и методы

Работа основана на материалах практики документирования общественной комиссией признаков преступлений, относящихся к юрисдикции международных судебных инстанций. Используются научные публикации по теории международного уголовного права, уголовного процессуального права, криминалистике, судебной экспертизе, теории управления. Формально-логический метод позволил сформулировать рекомендации по эффективному взаимодействию участников международного судопроизводства.

3. Обсуждение

Считаем, что представлять внепроцессуального субъекта в международных судебных органах наиболее эффективно смогут специалисты-члены рабочей группы, осуществившие фиксацию обстановки на месте события, а также эксперт, выполнивший специальные исследования результатов проведенной фиксации. Этот вывод основан на том, что именно они в полной мере владеют достоверными сведениями о ходе и результатах документирования. Поэтому актуальным становится проблема предоставления этим специалистом или экспертом разъяснений в судебном заседании.

Из анализа отечественной судебной практики нами установлены случаи, когда суд направлял специалистам (комиссии экспертов) вопросы относительно выполненного ими исследования заранее, до момента судебного заседания. В таком случае специалисты получали возможность тщательно подготовиться к предоставлению разъяснений и дополнений, еще раз критически проверить полноту проведенных исследований и аргументированность своих выводов. В результате такой подготовки специалист более уверенно чувствует себя в судебном заседании (Моисеев, 2011: 272). Чтобы распространить этот позитивный опыт на практику международного судопроизводства, можно рекомендовать общественной комиссии ходатайствовать перед судом о предварительном предоставлении вопросов в письменной форме.

В соответствии с нашей позицией, применение устных разъяснений от специалистов и эксперта, участвовавших в документировании, должно быть минимизировано. Этот вывод обосновываем такими соображениями. Во-первых, технология составления текста заключения по результатам специального исследования постоянно совершенствуется (Моисеев, 2008). Благодаря этому заключение общественной комиссии как процессуальный документ становится все более пригодным для понимания лицами, не имеющими специальных знаний. Во-вторых, проведение специальных исследований предусматривает применение научно-технического оборудования, информационных источников, средств компьютерной техники, иных ресурсов. Такому характеру обращения к специальным знаниям отвечает промежуток времени между получением вопросов специалистом (экспертом) и предоставлением им ответов по результатам применения собственных профессиональных знаний, умений и навыков. Необходимому разрыву во времени более отвечает письменная форма сообщений от специалиста (эксперта) в адрес других участников

международного судопроизводства. Поэтому устные ответы специалистов (экспертов) на заседании международного суда, по нашему мнению, должны, по возможности, исключаться как не соответствующие процессуальному статусу специалистов и эксперта, участвовавших в документировании.

Однако, мы допускаем также и дистанционное участие представителей общественной комиссии в заседании международного суда, проводимого в режиме видеоконференции. На сегодня видеотехнологии активно внедряются в судебный процесс. Поэтому актуальной становится проблема дистанционного допроса представителя внепроцессуального субъекта в международном судопроизводстве.

Однако, остаются вне внимания ученых особенности допроса в режиме видеоконференции как специфического процесса информационного взаимодействия. Если международный суд принимает решение о проведении процессуального действия в режиме видеоконференции, он должен уяснить, принесет ли это ожидаемый результат, т.е. будет ли оно эффективным. Считаем, что эффективность этого действия следует определять с учетом процессуальных затрат на его проведение, а также информационной составляющей результата, которая приобретает значение для принятия судебного решения. Процессуальные затраты мы связываем с таким принципом судопроизводства, как процессуальная экономия. Этим принципом обеспечивается рациональный подход к построению и осуществлению судопроизводства. Он предусматривает установления виновных и привлечение их к ответственности с минимальными затратами сил, средств и времени участников следственно-судебной деятельности (Сопронюк, 2006: 349). Принцип процессуальной экономии исследовали многие ученые. Ими сформулированы ее критерии, такие как: 1) достижение максимального процессуального результата; 2) наибольшая продуктивность труда; 3) рациональное использование процессуальных средств; 4) рациональное регулирование порядка осуществления правосудия; 5) разумное смягчение процессуальных формальностей; 6) ускорение судопроизводства (Короёв, 2013: 129).

В науке криминалистике допрос рассматривают в двух содержательных аспектах: как информационный процесс и как форма общения. В информационном аспекте допрос определяют как один из видов процессуальной коммуникации и межличностного общения, в период которого необходимо учитывать закономерности формирования показаний (Весельский, 1999: 6). В ходе такого общения, на основе установления психологического контакта удается достигнуть основной цели – получение полных и достоверных показаний (Лукашевич, 1993: 136). Ученые исследуют психологическую сторону допроса (Полищук, Парфентьев, 2002: 200]. Анализируя традиционные подходы относительно трактования допроса, они акцентируют, что это процессуальное действие можно определить как способ общения и как информационный процесс (Шепітько, 2007: 268-269). Авторы также отмечают, что такое общение имеет три взаимозависимых стороны: коммуникативную (состоит в обмене информацией между общающимися индивидами), интерактивную (является организацией взаимодействия между ними, то есть обменом не только знаниями, идеями, но и действиями), перцептивную (означает процесс восприятия личностей, которые находятся в состоянии коммуникативного взаимодействия). Как информационному процессу, допросу присуща сложная, многоэлементная структура, основанная на классификации информации, ее видов (Шепітько, 2007: 269). Мы поддерживаем эту точку зрения, поскольку изучение допроса с позиций теории информации позволяет более полно передать его специфическое содержание, обосновать заимствование терминов из области науки информатики. Одной из таких специфичных форм допроса является допрос в режиме видеоконференции. Он представляет собой дистанционное получение показаний. С точки зрения информатики, такое процессуальное действие представляет собой процесс восприятия и передачи информации от суда к допрашиваемому, и в обратном направлении, который осуществляется путем применения технических средств и технологий, обеспечивающих трансляцию видео и звука из другого помещения. Акцентируем, что целью передачи любого сообщения является получение новых знаний от ее носителя. Но во время проведения допроса суд сталкивается с более широким кругом задач, которые мы рассмотрим с позиций возможности их разрешения в ходе проведения дистанционного допроса.

Из задач, возникающих перед судом выделяем задачу возбудить мыслительную деятельность допрашиваемого. В традиционном допросе решение такой проблемы прямо

зависит от условий и обстановки, в которой происходит информационное взаимодействие суда с этим лицом. Психологическая наука указывает на множественный характер факторов, определяющих результативность коммуникативного взаимодействия между людьми (Абразцов, Богомолова, 2002: 332). С этих позиций атмосфера дистанционного допроса не одинакова для допрашиваемого и для суда, поскольку они пребывают в различных вещных обстановках и в присутствии разных лиц, обеспечивающих осуществление этого процессуального действия. Поэтому в ситуации проведения допроса в режиме видеоконференции суд должен знать, учитывать и при необходимости изменять условия и обстановку, в которой находится допрашиваемый. Причем суду рекомендовано исходить из того, что особое влияние на коммуникантов оказывают субъективные элементы окружающей среды – то, что имеет отношение к нему как индивиду, и с чем он связывает отражение обстоятельств, которые являются предметом конкретного допроса.

Информацию, циркулирующую при допросе, классифицируют по признаку субъекта на такие виды: 1) поступающая от суда допрашиваемому; 2) получаемая от допрашиваемого; 3) и от других лиц, принимающих участие в допросе (Шепітько, 2007: 269).

Для допроса в режиме видеоконференции процесс восприятия и передачи информации в прямом и в обратном направлении обеспечен применением технических средств и технологий. Устройства видеозаписи и каналы связи производят передачу и прием информации, ее кодирование и сбережение. Отмечаем, что использование в дистанционном судебном процессе технических средств и применение технологий должно обеспечивать требуемое качество изображения и звука, а также информационную безопасность. Субъектам судебного процесса должна быть гарантирована возможность ставить вопросы и получать ответы от лиц, принимающих участие в судебном заседании дистанционно, реализовывать другие предоставленные им права и исполнять процессуальные обязанности. Также необходимо учитывать и фактор участия работников, обеспечивающих функционирование технических средств видеосвязи между судом и представителем внепроцессуального субъекта.

Эти факторы и технические сложности передачи информации (шумы) определяют специфику процессов отображения (т.е. передачи и получения) информации, присущую конкретным средствам связи. Поэтому вызывает сомнения возможность для суда в полном объеме обеспечить качество изображения и звука, а также информационную безопасность дистанционного допроса. Для решения этой проблемы в ходе видеоконференции суд должен организовать информационное взаимодействие с допрашиваемым лицом, учитывая тактический риск прерывания допроса по техническим причинам. Поэтому для суда необходим особый подход к планированию порядка постановки вопросов и применения необходимых тактических приемов.

Другой задачей допроса любой формы является получение от допрашиваемого информации, которая интересует суд. При этом, результат проведения допроса должен отвечать критерию объективности. Объективизация обеспечивается использованием научных методов проведения допроса. В ходе данного процессуального действия суд применяет методы логические, а также психологические и других наук. Нередко от суда требуется помощь в припоминании и воспроизведении допрашиваемым забытого. На решение этой задачи в процессе допроса влияет достаточная информированность суда относительно того или иного факта, который относится к предмету допроса, его умение анализировать информацию, полученную от допрашиваемого и применять соответствующие тактические приемы допроса. По характеру отображения информация, которая поступает от допрашиваемого, может быть распределена на содержательную, мимическую, конклюдентную и информацию, которая отображает психофизиологические реакции. Информацию, исходящую от допрашиваемого, по функциональному назначению распределяют на виды 1) коммуникабельно-обеспечивающая; 2) субстанциональная (направленная на выяснение основных сведений); 3) побудительная (используемая для активизации памяти и побуждения к предоставлению правдивой информации); 4) вскрывающая; 5) корректирующая (имеет целью устранение искажений, являющихся результатом добросовестной ошибки). Ученые используют развернутую информационную структуру допроса, указывая на динамичность перечисленных выше видов информации. Эта структура служит предпосылкой определения тактических ситуаций допроса (Шепітько,

2007: 271). Соответственно, допрашивающий выбирает тактические приемы и другие тактические средства влияния на складывающуюся ситуацию.

Проведение судом допроса лица, пребывающего в другом помещении путем трансляции звука и видео через технические устройства, существенно влияет на особенности психики, которые проявляются в процессе получения определенного вида информации как от допрашиваемого лица, так и от суда. Еще раз акцентируем, что вследствие ряда факторов для суда затруднено применение тактических приемов, направленных на установление межличностного доверия. Но этому не способствует и присутствие сторонних наблюдателей (технического персонала, обеспечивающего проведение процессуального действия, или иных посторонних лиц) в помещении, где происходит данное действие. Технические условия трансляции дистанционного допроса допускают наличие скрытых от наблюдения суда зон помещения, где находится допрашиваемый. В связи с этим у суда могут возникать подозрения о присутствии в нем таких лиц.

Дистанционный допрос усложняется для суда в плане восприятия отдельных видов информации, в частности, мимической, отображающей психофизиологические реакции допрашиваемого. В социальной практике техника общения имеет три стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную. В ходе проведения дистанционного допроса и восприятия допрашиваемого через, например, монитор компьютера, суд лишен возможности в полной мере получать и соответственно диагностировать информацию, отображающую психофизиологические реакции допрашиваемого на поставленный вопрос.

Таким образом, обобщаем, что все вышеперечисленное усложняет реализацию судом тактических приемов, направленных на объективизацию результатов допроса.

Считаем, что перед тем, как допрашивать специалиста (эксперта), участвовавшего в документировании, суд должен составить четкое представление о проблемах, которые он предполагает устранить таким действием. Иначе это может привести к постановке вопросов, которые можно решить исключительно путем дополнительных исследований. Специалист (эксперт), участвовавший в работе общественной комиссии, дает разъяснения суду только по процедуре и результатам документирования. Следует отметить, что структура допроса специалиста (эксперта) состоит из двух каналов передачи информации: канала вербальной информации, значение которого состоит в формулировании логичной составляющей составленных им материалов документирования; и передачи невербальной информации, благодаря чему участники судопроизводства получают впечатление об эмоциональной составляющей показаний, т.е. об уверенности, достоверности, внутреннем убеждении, откровенности, компетентности, осведомленности допрашиваемого лица. Нами обоснована позиция относительно минимизации эмоциональной составляющей заключения общественной комиссии, составленного по результатам документирования, а также в его разъяснениях суду. Это вытекает из наблюдения, что эмоциональность может рассредоточивать внимание суда, других участников судебного заседания, отвлекая их от логической и оценочной аргументации (Моисеев, 2011: 179). Точнее говоря, личное отношение специалиста (эксперта) к полученным результатам фиксации (исследования) обстоятельств события, что проявляется в это искренности и убежденности, находит отображение в его речи. Поэтому, в психологическом смысле, поведение специалиста (эксперта) в судебном заседании должно быть сдержанным, а его отношение к участникам международного производства толерантным.

По нашему убеждению, дистанционный допрос сводится к информационному обеспечению проведенного документирования показаниями субъекта, участвовавшего в нем. Осуществленные нами наблюдения свидетельствуют, что во время допроса специалиста (эксперта) обстановка, в которой он оказался, характеризуется эмоциональным напряжением и меньшими возможностями для адаптации, в сравнении с ситуацией допроса, например, свидетеля. Специалист (эксперт), будучи ограниченным собственными специальными знаниями, не всегда способен четко и убедительно разъяснять специальные вопросы в таких условиях (Моисеев, 2009: 122). Из этого можно заключить, что эффективность допроса специалиста (эксперта) обеспечивается доступностью его собственной базы знаний и возможностью демонстрировать международному суду ее элементы. Чтобы давать наиболее обоснованные ответы, он должен обращаться к различного рода источникам информации, а именно к методикам, информационно-

справочным комплексам и другим информационным ресурсам. Если во время допроса специалист (эксперт) будет иметь в своем распоряжении доступ к базам знаний и банкам данных, он сможет и в судебном заседании эффективно применять свои специальные знания. Потому не имеет значения, где находится этот представитель внепроцессуального субъекта – в зале суда или на своем рабочем месте.

Вернемся к принципу процессуальной эффективности международного судебного производства. Возможность дистанционного участия специалиста (эксперта) в работе международной судебной инстанции способствует динамичному проведению судопроизводства, уменьшению материальных затрат и т.п. В итоге, допрос специалиста (эксперта) в режиме видеоконференции позволит достичь более эффективных результатов судебного рассмотрения международного преступления. По нашему мнению, процессуальную эффективность допроса специалиста (эксперта) в режиме видеоконференции следует обозначить как соответствие информационного обеспечения его показаний (доступность для него в период допроса собственной базы знаний, а также возможности продемонстрировать суду ее элементы) принципу процессуальной экономии.

В аспекте приведенных выше критериев процессуальной эффективности целесообразно рассмотреть результативность дистанционного участия специалиста (эксперта) в работе международного суда. Можно уверенно утверждать, что достижение желаемого процессуального результата обусловлено максимальным объемом полученной судом актуальной информации. Потому, во время допроса специалиста (эксперта) такая информация приобретает качество достоверности благодаря использованию специалистом (экспертом) надежных информационных источников.

Рассмотрим возможности допроса специалиста (эксперта) с оборудованного его рабочего места (АРМ специалиста, эксперта). Очевидно, что используя АРМ в ходе допроса, он может в реальном времени проводить простые эксперименты и измерения и демонстрировать суду их результаты. Таким образом, критерий результативности обеспечивается организацией рабочего места, с которого специалист (эксперт) может давать разъяснения.

К установлению целесообразности данного варианта дистанционного допроса применим критерий производительности труда субъектов международного судебного процесса. Очевидно, что для суда и других участников судопроизводства она остается неизменной как при непосредственном присутствии специалиста (эксперта) в зале судебного заседания, так и в случае дистанционного его участия. Но во втором случае специалисту (эксперту) удастся избежать затрат времени, связанных с перемещением в зал судебного заседания. Допрос специалиста (эксперта) в режиме видеоконференции соответствует и критерию рационального использования процессуальных средств. Так, все участники судебного заседания могут внимательно подготовить вопросы специалисту (эксперту) и тщательно анализировать его ответы, поскольку отсутствуют ограничения во времени, связанные с длительностью его командировки. В конце концов, в случае дистанционного участия специалиста (эксперта) обеспечивается спокойная деловая атмосфера за счет исключения эмоциональной составляющей в процессе взаимодействия сторон с допрашиваемым.

Критерий рационального регулирования порядка осуществления правосудия может быть обеспечен и в случае исключения проблем, связанных с предупреждением специалиста (эксперта) об уголовной ответственности за заведомо неправдивые показания, а также проблем контроля за возможным несанкционированным воздействием на него во время дистанционного выступления. Такие преграды предлагаем исключать путем присутствия председателя общественной комиссии в помещении, откуда специалист (эксперт) дает разъяснения суду. Минимизация возможности стороннего воздействия также может быть обеспечена специальным размещением видеокамер, с которых осуществляется трансляция пояснений специалиста (эксперта). Суд, другие участники судебного заседания таким образом могут контролировать поведение специалиста (эксперта) и других присутствующих лиц. Разумное смягчение процессуальных формальностей означает упрощение процедуры получения судом показаний специалиста (эксперта). Специалист (эксперт) считается предупрежденным об ответственности еще с момента вступления в процедуру документирования. Об этом он через СМИ делает публичное заявление перед широким

кругом общественности. Поэтому нет необходимости повторять это в судебном заседании. В дистанционном варианте он только подтверждает на камеру принятие на себя этой ответственности.

Оптимизация такого процессуального действия происходит, кроме прочего, и за счет приобщения к протоколу судебного заседания полной видеозаписи действий, производившихся в период дистанционного допроса специалиста (эксперта). Ускорение судопроизводства также обеспечивается, по нашему мнению, и экономией времени на различного рода согласования, связанные с обеспечением прибытия специалиста (эксперта) на заседание международного суда.

4. Результаты

Таким образом, предлагаем минимизировать получение устных показаний в международной судебной инстанции от представителей внепроцессуального субъекта, участвовавших в документировании. При необходимости получить разъяснения по поводу материалов документирования рекомендуем суду передавать общественной комиссии вопросы и получать от нее ответы в письменном виде. Также рекомендуем международным судебным инстанциям использовать дистанционную форму видеоконференции для получения разъяснений от представителей общественной комиссии по поводу представленного ею заключения. Критериями принятия решения судом о проведении дистанционного допроса специалиста (эксперта) считаем такие: во-первых, при обосновании указанного решения следует опираться на принцип процессуальной эффективности; во-вторых, суд должен уяснить круг вопросов, предусмотреть объем информации, которую ему необходимо получить от специалиста (эксперта); в-третьих, учесть процессуальные затраты на время организации, согласования даты и кандидатур участников, финансовые средства на командировку, а также траты на обслуживание информационного канала, и т.п.

5. Заключение

Можно порекомендовать производить дистанционный допрос специалиста (эксперта) – представителя общественной комиссии по документированию военных преступлений – при нахождении его на оборудованном рабочем месте, в присутствии председателя общественной комиссии, а также других представителей общественности.

Примечания

Абразцов, Богомолова, 2002 – Абразцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 447 с.

Весельський, 1999 – Весельський В.К. Сучасні проблеми допиту (процесуальні, організаційні і тактичні аспекти): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Київ, 1999. 17 с.

Жигулин, 2015 – Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // *Вестник Российской нации*. 2015. № 5. С. 250-261.

Короєд, 2013 – Короєд С.О. Процесуальна економія як передумова ефективності цивільного судочинства // *Порівняльно-аналітичне право*. 2013. № 3-1. С. 128-131. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pap.in.ua/3-1_2013/3/Koroied%20S.%20O..pdf (дата обращения: 15.06.2016).

Лукашевич, 1993 – Лукашевич В.Г. Криминалистическая теория общения: постановка проблемы, методика исследования, перспективы использования: монография. Киев: Издательство Укр. акад. внутр. дел, 1993. 194 с.

Моисеев, Жигулин, 2016 – Моисеев А.М., Жигулин А.М. Внепроцессуальный субъект доказывания в международном уголовном судопроизводстве // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2016. № 1-2. С. 74-79.

Моїсєєв, 2008 – Моїсєєв О.М. Оцінка у висновку експерта (на прикладі судової транспортно-трасологічної експертизи): методичний посібник для с удових експертів, слідчих, суддів. Донецьк: ДонНУ – ДонНДІСЕ МЮ України, 2008. 109 с.

Моїсєєв, 2009 – Моїсєєв О.М. значення допиту експерта // *Теорія та практика судової експертизи і криміналістики: зб. наук. праць / ред. кол.: М.Л. Цимбал, В.Ю. Шепітько, Л.М. Головченко та ін. Х.: Право, 2009. Вип. 9. С. 120-126.*

Моїсєєв, 2011 – Моїсєєв О.М. Експертні технології: теорія формування і практика застосування: монографія. Х.: Апостиль, 2011. 424 с.

Полищук, Парфентьев, 2002 – Полищук Д.А., Парфентьев А.В. Психологические особенности общения при допросе // Прокурорская и следственная практика. 2002. №1-2. С. 199-215.

Сопронюк, 2006 – Сопронюк І.О. Процесуальна економія як принцип кримінального судочинства України // Вісник Львівського університету. Серія юридична. Львів, 2006. Вип. 43. С. 344-350.

Шепітько, 2007 – Шепітько В.Ю. Криміналістична тактика (системно-структурний аналіз): монографія. Х.: Харків юридичний, 2007. 432 с.

Moiseev, Zhigulin, 2016 – Moiseev A.M., Zhigulin A.M. The Technology of Military Crimes Documentation // Russian Journal of Legal Studies. 2016. Vol. (6), Is. 2. pp. 70-77.

References

Abramtsov, Bogomolova, 2002 – Abramtsov, V.A., Bogomolova, S.N. (2002). Kriminalisticheskaya psikhologiya [The forensic psychology]: ucheb. posobie dlya vuzov. M.: YuNITI-DANA, Zakon i pravo, 447 s. [in Russian].

Koroed, 2013 – Koroed S.O. (2013). Protsesual'na ekonomiya yak peredumova effektivnosti tsivil'nogo sudochinstva. Porivnyal'no-analitichne pravo. 3-1: 128-131. [Elektronnyi resurs]. URL: http://pap.in.ua/3-1_2013/3/Koroied%20S.%20O..pdf (data obrashcheniya: 15.06.2016) [in Ukrainian].

Lukashevich, 1993 – Lukashevich, V.G. (1993). Kriminalisticheskaya teoriya obshcheniya: postanovka problemy, metodika issledovaniya, perspektivy ispol'zovaniya [The criminalistic theory of communication: statement of the problem, research methodology, perspectives of use]: monografiya. Kiev: Izdatel'stvo Ukr. akad. vnutr. del, 194 s. [in Russian].

Moiseev, Zhigulin, 2016 – Moiseev, A.M., Zhigulin, A.M. (2016). Vneprotsessual'nyi sub"ekt dokazyvaniya v mezhdunarodnom ugovnom sudoproizvodstve [An unprecedented subject of proof in international criminal proceedings]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 1-2: 74-79. [in Russian].

Moiseev, 2008 – Moiseev, O.M. (2008). Otsinka u visnovku eksperta (na prikladi sudovoi transportno-trasologichnoi ekspertizi): metodichnii posibnik dlya s udovikh ekspertiv, slidchikh, suddiv. Donets'k: DonNU – DonNDISE MYu Ukraïni, 109 s. [in Ukrainian].

Moiseev, 2009 – Moiseev, O.M. (2009). Znachennya dopitu eksperta. Teoriya ta praktika sudovoi ekspertizi i kriminalistiki: zb. nauk. prats', red. kol.: M.L. Tsimbal, V.Yu. Shepit'ko, L.M. Golovchenko ta in. Kh.: Pravo, Vip. 9. S. 120-126. [in Ukrainian].

Moiseev, 2011 – Moiseev, O.M. (2011). Ekspertni tekhnologii: teoriya formuvannya i praktika zastosuvannya: monografiya. Kh.: Apostil', 424 s. [in Ukrainian].

Polishchuk, Parfent'ev, 2002 – Polishchuk, D.A., Parfent'ev, A.V. (2002). Psikhologicheskie osobennosti obshcheniya pri doprose [The psychological features of communication during the interrogation]. Prokurorskaya i sledstvennaya praktika. 1-2: 199-215. [in Russian].

Shepit'ko, 2007 – Shepit'ko, V.Yu. (2007). Kriminalistichna taktika (sistemno-strukturnii analiz) [The criminalistic tactics (system-structural analysis)]: monografiya. Kh.: Kharkiv yuridichnii, 432 s. [in Ukrainian].

Sopronyuk, 2006 – Sopronyuk, I.O. (2006). Protsesual'na ekonomiya yak printsip kriminal'nogo sudochinstva Ukraïni. Visnik L'viv'skogo universitetu. Seriya yuridichna. L'viv, Vip. 43: 344-350. [in Ukrainian].

Vesel'skii, 1999 – Vesel'skii V.K. (1999). Suchasni problemi dopitu (protsesual'ni, organizatsiini i taktichni aspekti): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Kiïv, 17 s. [in Ukrainian].

Zhigulin, 2015 – Zhigulin A. (2015). Obshchestvennost' v usloviyakh sotsial'nogo konflikta: yuridiko-mezhdunarodnyi aspekt [The public in terms of social conflict: legal and international aspect]. Vestnik Rossiiskoi natsii. 5: 250-261. [in Russian].

Moiseev, Zhigulin, 2016 – Moiseev, A.M., Zhigulin, A.M. (2016). The Technology of Military Crimes Documentation. Russian Journal of Legal Studies. 6(2): 70-77. [in Russian].

УДК 341,4; 343,98; 343,141

Дистанционное взаимодействие Общественной комиссии и международных судебных инстанций

Александр Михайлович Моисеев ^{a, *}, Алексей Михайлович Жигулин ^b

^a Донбасская юридическая академия, ДНР

^b Совет адвокатов Донецкой Народной Республики, ДНР

Аннотация. Рассмотрена технология документирования преступлений международного характера на территориях вооруженного конфликта. Общественная комиссия, производящая такое документирование, выступает в международном судопроизводстве как внепроцессуальный субъект доказывания. Она взаимодействует с международными судебными инстанциями путем предоставления им своего заключения, составленного по результатам проведенного документирования. Показано, что предоставлять разъяснения в международном суде могут специалист и эксперт, принимавшие участие в документировании. Разъяснения определены как получение от представителей общественной комиссии прокурором, судом, другими участниками международного судебного процесса помощи в трактовке составленного заключения. Обоснован приоритет письменной формы таких разъяснений. Письменные разъяснения специалиста (эксперта) доступны для контроля со стороны субъектов международного судопроизводства. Сформулированы другие приоритеты в организации взаимодействия представителей общественной комиссии с международными судебными инстанциями. Предложены решения проблем процессуального контроля за ходом дистанционного взаимодействия представителей общественной комиссии и международного суда. Показана перспективность дистанционной формы такого взаимодействия, при условии использования возможностей автоматизированного рабочего места специалиста (эксперта).

Ключевые слова: международный суд, документирование, внепроцессуальный субъект, взаимодействие, разъяснения, дистанционный допрос.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: moiseev.alex@i.ua (А.М. Моисеев), info@zhygulin.com (А.М. Жигулин)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 29-37

DOI: 10.13187/zngup.2017.29
<http://ejournal22.com>

UDC 343.97

Criminal Legal Protection of the Land by the Legislation of Ukraine and of the CIS Countries: Comparative Analysis

Roman O. Movchan ^{a, *}

^a Donetsk National University, Ukraine

Abstract

The experience of criminal law protection of the land by the legislation of Ukraine and of the CIS countries was studied in this article with the help of the comparative legal method of research. The specific features of the construction of basic and qualified offenses provided for in the Criminal Code of the CIS countries and dealing with the regulation of responsibility for such crimes as damage of the land, as well as for other crimes that infringe on the established order of rational use, protection and reproduction of land as a complex ecosystem which is closely related to other elements of the natural environment are analyzed. The article also covers the corresponding criminal law provisions. Common and distinctive features of the criminal-law framework for the protection of land resources in Ukraine and the CIS countries are specified. The study determines the direction of further improvement of the criminal legislation of Ukraine in the relevant field.

Keywords: criminal responsibility, environment, land, soil, damage of the land, irrational use of land.

1. Введение

Как отмечает Н.И. Хавронюк, реальностью сегодняшнего дня является взаимосвязь элементов национальной уголовно-правовой системы не только между собой, но и с соответствующими элементами зарубежных уголовно-правовых систем. При таких условиях становится очевидным, что для достижения наивысшей эффективности норм уголовного права Украины последнее должно учитывать все лучшие достижения европейской и мировой уголовно-правовой мысли, а также зарубежного уголовного законодательства. А для этого важно осуществлять компаративистские (сравнительные) исследования и умело распоряжаться их результатами в законотворческой деятельности, а также при интерпретации и применении положений уголовного законодательства (Хавронюк, 2013: 298–299).

Поэтому исследование уголовной ответственности как за преступления в сфере земельных отношений в целом, так и за преступные посягательства, которые нарушают экологическую функцию земли, в частности, не может претендовать на признание его полным, всесторонним и объективным без изучения зарубежного опыта уголовного-правового противодействия рассматриваемым общественно опасным проявлениям.

* Corresponding author
E-mail addresses: romanmov@mail.ru (R.O. Movchan)

В этом аспекте большой научный интерес вызывает и изучение опыта уголовно-правовой охраны земель, сформированного в странах так называемой группы Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), со многими из которых Украина долгое время находилась в едином правовом пространстве.

2. Материалы и методы

Некоторые аспекты рассматриваемой проблематики изучались такими учеными, как Л.А. Букалерева, Р.В. Кравцов, В.В. Кунц, О.А. Пенязькова, С.Т. Фаткулин, А.О. Швейгер. Однако при этом следует отметить, что специальные исследования, посвященные сравнительному анализу опыта уголовно-правового противодействия посягательствам на земельные ресурсы в Украине и странах СНГ, в отечественной юридической доктрине фактически отсутствуют, что и обуславливает актуальность написания этой статьи.

В данной работе в качестве определяющего был избран компаративистский метод к изучению законодательства Украины и стран СНГ, посвященного уголовно-правовой охране земли. Как отмечает А.Х. Саидов, именно сравнительно-правовой метод позволяет, с одной стороны, выявить все то полезное, что оправдало себя за границей при решении подобной проблемы, а с другой – дает возможность учесть негативные стороны зарубежного опыта, неэффективность тех или иных правовых решений (Саидов, 2000: 36–37). Кроме того, в процессе написания статьи также были использованы и такие научные методы исследования, как диалектический, догматический, метод моделирования, анализ, синтез, индукция и дедукция.

3. Обсуждение

Как известно, группа СНГ представляет так называемую «восточную ветвь» континентальной уголовно-правовой системы. Она сформировалась на основе советской модели уголовного права. В литературе акцентируется внимание на том, что кроме государств, которые, собственно, были или являются членами СНГ, в рассматриваемую группу уголовного права также входят Латвия и Литва (уголовное право последней примыкает к группе СНГ). Единственной же из бывших советских республик, полностью «порвавших» с советскими уголовно-правовыми традициями, является Эстония, Пенитенциарный кодекс которой в значительной степени представляет собой рецепцию германской уголовной доктрины (Додонов, 2009: 34, 37).

Учеными резонно отмечается, что значительную роль в сохранении концептуального единства нового уголовного законодательства на постсоветском пространстве сыграл Модельный Уголовный кодекс для стран СНГ, одобренный Межпарламентской ассамблеей государств – членов СНГ 17 февраля 1996 г. (далее – Модельный УК СНГ), который стал образцом для многих новых кодексов бывших союзных республик (Додонов, 2009: 37). Заметное влияние положений указанного рекомендательного документа наблюдается и при анализе предписаний, посвященных регламентации ответственности за такое земельное правонарушение, как «порча земли».

Так, разработчиками Модельного УК СНГ признаки основного состава преступления «порча земли» были описаны следующим образом: «отравление или загрязнение земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с ядохимикатами, удобрениями, стимуляторами роста растений или иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, а также иная порча земли, повлекшая умышленное или неосторожное причинение существенного вреда окружающей среде» (ч. 1 ст. 225) (Модельный Уголовный Кодекс...). За исключением незначительных редакционных уточнений, такая законодательная конструкция была фактически полностью воспроизведена в ч. 1 ст. 273 Уголовного кодекса (далее – УК) Армении (Уголовный кодекс Республики Армения) и ч. 1 ст. 317 УК Туркменистана (Уголовный кодекс Туркменистана). Кроме того, она также была взята за основу при формулировании ч. 1 ст. 254 УК Азербайджана (Уголовный кодекс Азербайджанской Республики), ч. 1 ст. 297 УК Грузии (Уголовный кодекс Грузии), ч. 1 ст. 332 УК Казахстана (Уголовный кодекс Республики Казахстан), ч. 1 ст. 273 УК Киргизии (Уголовный кодекс Кыргызской Республики), ч. 1 ст. 227 УК Молдовы (Уголовный кодекс Республики Молдова), ч. 1 ст. 254 УК Российской Федерации (Уголовный кодекс Российской Федерации).

Федерации) и ч. 1 ст. 228 УК Таджикистана ([Уголовный кодекс Республики Таджикистана](#)). Особенностью всех этих норм является то, что в них, в отличие от ст. 225 Модельного УК СНГ, причинение вреда здоровью человека признается признаком основного, а не квалифицированного состава преступления.

Конструируя квалифицированные составы исследуемого преступления, парламентарии большинства стран рассматриваемой группы также приняли за образец положения Модельного УК СНГ. Речь идет о том, что по примеру ст. 225 этого рекомендательного акта в большинстве государств в ч. 2 предусматривается ответственность за порчу земли, совершенную в зоне чрезвычайной экологической ситуации или в зоне экологического бедствия (иногда – «или повлекшее по неосторожности вред здоровью человека»); а в ч. 3 – за деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека.

А вот ч. 2 ст. 273 УК Киргизии предусматривает ответственность не за квалифицированную «порчу земли», а за самостоятельный состав преступления – порчу или уничтожение плодородного слоя почвы вследствие невыполнения правил рекультивации земель, если это повлекло выведение их из сельскохозяйственного оборота в зоне чрезвычайной экологической ситуации или в зоне экологического бедствия.

Подобный киргизский опыт положительно оценивает С.Т. Фаткулин, который пришел к выводу о том, что в Киргизии земли сельскохозяйственного назначения взяты под особую уголовно-правовую охрану, что является правильным для аграрной республики ([Фаткулин, 2006: 349–350](#)). Однако, в целом соглашаясь с суждениями юриста, все же должны обратить внимание на существование некоторого диссонанса в подходе к построению санкции рассматриваемого запрета. Речь идет о том, что за порчу или уничтожение плодородного слоя почвы (ч. 2 ст. 273) предусматривается более мягкое наказание (лишение свободы на срок до 3 лет), чем за «обычную» порчу земли (ч. 1 ст. 273 УК Киргизии) (лишение свободы на срок до 5 лет).

Отметим, что позитивное отношение к конструированию ч. 2 ст. 273 УК Киргизии демонстрирует и О.А. Пенязькова, которая выдвигает предложение о дополнении ст. 239 УК Украины отдельным квалифицирующим признаком – вывод земель из сельскохозяйственного оборота в зоне чрезвычайной экологической ситуации или в зоне экологического бедствия ([Пенязькова, 2013: 132–133](#)).

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что к числу норм – «близнецов» ст. 225 Модельного УК СНГ следует относить и ст. 239 УК Украины ([Кримінальний кодекс України](#)). Однако при более глубоком сравнительном анализе содержания указанных предписаний мы убеждаемся в том, что, несмотря на некоторое внешнее сходство, они имеют и целый ряд концептуальных различий.

Во-первых, в отличие от абсолютного большинства исследуемых ранее запретов, сконструированных по образцу единого законодательного шаблона (ст. 225 Модельного УК СНГ), ст. 239 УК Украины к числу уголовно наказуемых относит не только порчу земли, повлекшую реальные последствия в виде вреда окружающей среде и/или здоровью человека, но и аналогичные деяния, которые привели лишь к «созданию опасности» для жизни, здоровья людей или окружающей среды. Исключение составляет лишь ст. 332 УК Казахстана, основанием привлечения к уголовной ответственности по которой также признается не только причинение вреда здоровью человека или крупного ущерба окружающей среде, но и «создание угрозы» причинения крупного ущерба окружающей среде. По нашему мнению, избранный отечественными (как и казахскими) парламентариями вариант описания соответствующей уголовно-правовой нормы способен привести к неоправданному расширительному толкованию ее положений, ведь фактически любое проявление порчи (загрязнения) земель может восприниматься как такое, что способно быть опасным для жизни, здоровья людей или окружающей среды.

Во-вторых, заслуживает внимания и положительный опыт стран СНГ относительно построения квалифицированных составов рассматриваемого преступления. В частности, учитывая очевидно разную степень общественной опасности, законодатели большинства государств анализируемой группы восприняли предложенную разработчиками Модельного УК СНГ позицию о необходимости дифференциации уголовной ответственности за порчу земли, совершенную в зоне чрезвычайной экологической ситуации или в зоне

экологического бедствия, или повлекшую вред здоровью человека (части 2), и порчу земли, повлекшую смерть человека (части 3). Народные же депутаты Украины (как и парламентарии Казахстана и Молдовы) от подобной дифференциации, как и от использования такого квалифицирующего признака, как «совершенное в зоне чрезвычайной экологической ситуации или в зоне экологического бедствия», отказались.

В то же время считаем, что перечисление в ст. 225 Модельного УК СНГ (как и во всех упомянутых выше нормах) конкретных правил, нарушение которых образует состав преступления «порча земли» (обращение с ядохимикатами, стимуляторами роста растений и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании или перевозке), является лишним, особенно с учетом существующего далее упоминания и о «иной порче земель». Поэтому подобный слишком казуистический вариант законодательного описания признаков объективной стороны рассматриваемого преступления для нас выглядит менее привлекательным по сравнению с абстрактным указанием на «специальные правила», использованным при построении ст. 239 УК Украины.

Не можем оставить без внимания и тот факт, что, в отличие от ч. 2 ст. 239 УК Украины, в большинстве стран СНГ непосредственно в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм указывается на исключительно неосторожное отношение лица к наступлению такого последствия порчи земли, как «смерть человека». По нашему мнению, наличие этой законодательной установки следует объяснять большим вниманием, которое уделяют парламентарии многих стран СНГ проблеме так называемых преступлений с двумя формами вины, – проблеме, которую отечественные законодатели полностью игнорируют.

Подобно большинству других государств рассматриваемой группы, в УК Беларуси система уголовно-правовой охраны земельных ресурсов представлена одной нормой – ст. 269 «Порча земель» ([Уголовный кодекс Республики Беларусь](#)). Однако, несмотря на идентичное название, содержание указанного запрета – подобно ст. 239 УК Украины – существенно отличается от аналогичных предписаний, существующих в других странах.

Во-первых, следуя традициям советского уголовного правотворчества, белорусские парламентарии отнесли к числу уголовно наказуемых только те проявления порчи земель, которые были совершены в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения (административная преюдиция).

Во-вторых, частью 1 ст. 269 УК Беларуси, кроме, собственно, порчи (загрязнения) земель, охватываются и такие – указанные и в ч. 2 ст. 273 УК Киргизии – общественно опасные посягательства, как «уничтожение плодородного слоя почвы» и «невыполнение правил рекультивации земель». То есть мы видим, что фактически белорусский законодатель в одной части статьи унифицировал ответственность за два действия, которые в нашей стране расцениваются как отдельные преступления – «Загрязнение или порча земель» (ст. 239 УК Украины) и «Бесхозное использование земель» (ст. 254 УК Украины), к проявлениям которого и следует относить «уничтожение плодородного слоя почвы» и «невыполнение правил рекультивации земель».

При этом должны отметить, что некоторые отечественные исследователи воспринимают «нарушение правил рекультивации земель» как разновидность общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 239-1 УК Украины «Незаконное завладение почвенным покровом (поверхностным слоем) земель» ([Олійник, 2013: 417–422](#)). Однако мы считаем, что дополняя УК Украины ст. 239-1, народные депутаты Украины пытались прежде всего предупредить случаи «снятия» с земельного участка его поверхностного слоя (прежде всего почвенного покрова), ведь именно эти случаи приводят к потере последним части своих полезных свойств и приобретении почвенным покровом признаков движимого имущества (почвенной массы), пребывание которого в свободном правовом обращении допускать нельзя. А вот криминализация деяний, состоящих в «нарушении правил рекультивации земель», по нашему мнению, в намерения парламентариев не входила.

В-третьих, ст. 269 УК Беларуси остается единственной на постсоветском правовом пространстве нормой о порче земли, для привлечения к уголовной ответственности по которой не требуется доказательства нарушения никаких специальных правил обращения с различными опасными веществами (материалами). Это, казалось бы, незначительное отличие, на самом деле существенно расширяет возможности уголовно-правового

механизма защиты земельных ресурсов, поскольку позволяет преследовать в порядке уголовного судопроизводства не только специального субъекта, но и любое лицо, действия которого привели к наступлению последствий (ущерб земле), упоминаемых в диспозиции ч. 1 ст. 269 УК Беларуси. По нашему мнению, указанный белорусский опыт мог бы быть учтен и при усовершенствовании ст. 239 УК Украины.

Среди всех стран исследуемой группы наименьшим влиянием положений Модельного УК СНГ отличается УК Узбекистана, что в первую очередь объясняется более ранней датой принятия последнего (1994 г.). Это обстоятельство повлияло и на формирование в узбекском уголовном законодательстве довольно самобытной системы норм, посвященных уголовно-правовой охране экологической функции земли.

Так, в УК Узбекистана содержится отдельная статья, предусматривающая ответственность за нарушение порядка использования земли, недр или требований по их охране, что привело к тяжким последствиям (ст. 197). Как мы видим, рассматриваемый запрет имеет некоторые общие черты со ст. 254 УК Украины. Однако, с другой стороны, должны констатировать, что ст. 197 УК Узбекистана носит более универсальный характер, поскольку в ней идет речь о нарушении порядка использования не только земли, но и недр (ст. 240 УК Украины). Но главным отличием является то, что узбекские парламентарии описали признаки соответствующего преступного деяния не с помощью употребления достаточно непонятной и неизвестной регулируемому законодательству формулировки «бесхозяйственное использование земель», а с помощью указания на терминологический оборот «нарушение порядка использования земли», который дает правоприменителям четкий ориентир – при условии наступления тяжких последствий уголовно наказуемым должно признаваться любое нарушение установленного бланкетным законодательством порядка использования земли.

Отдельная же статья, посвященная регламентации ответственности за порчу земли, в узбекском уголовном законодательстве отсутствует. Вместо этого, как и во многих странах, которые представляют так называемую «западную ветвь» романо-германской правовой семьи (Австрия, Дания, Эстония, Исландия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Швеция), в УК Узбекистана содержится единственная универсальная норма (ст. 196 «Загрязнение окружающей среды»), в рамках которой была унифицирована уголовная ответственность за загрязнение земли, воды и атмосферного воздуха ([Уголовный кодекс Республики Узбекистан](#)).

Конструктивным подобный опыт считает С.Т. Фаткулин, в частности, и потому, что негативное влияние на один природный объект чаще всего связано с негативным влиянием на другие смежные объекты: например, отравление земель ядохимикатами вызывает гибель растительности и загрязнение вод в результате стоков; загрязнение атмосферного воздуха в результате выбросов вредных веществ влечет загрязнение земель вредными осадками и т.п. ([Фаткулин, 2006: 350–351](#)).

Из похожих соображений одобрительно оценивают такой подход и Л.А. Букалерева и А.О. Швейгер. По мнению ученых, суть загрязнения должна сводиться к последствиям однопланового характера и разграничение норм по природным объектам нецелесообразно, так как не учитываются все возможные последствия для конкретного объекта ([Букалерева, Швейгер, 2013: 56](#)). Положительно криминалисты относятся и к отказу узбекского законодателя от четкого, жестко фиксированного в диспозиции нормы перечня последствий, поскольку предусмотреть все возможные последствия невозможно. Представляется, что возможность унифицирования ответственности за загрязнение земли, воздуха и водных ресурсов должна быть рассмотрена и отечественным законодателем.

С большим интересом воспринимается тот факт, что узбекский опыт уголовно-правовой охраны земли фактически воспроизводится и в УК Латвии. В последнем также содержатся два универсальных запрета, которыми предусматривается ответственность за нарушение порядка правил использования и эксплуатации земли, ее недр, вод и лесов; и за загрязнение и засорение земли, лесов и вод (статьи 96 и 102 УК Латвии соответственно) ([Criminal Law..., а](#)). И это притом, что при всей «сдержанности» по отношению к постсоветской интеграции, именно Модельный УК СНГ выступал образцом для латвийских парламентариев при разработке нового уголовного законодательства ([Додонов, 2009: 37](#)).

В УК Литвы ответственность за все нарушения правил охраны окружающей среды также унифицирована в рамках единой нормы (ст. 270) (*Criminal Law...*, b). В то же время, в отличие от Латвии, Узбекистана и Украины, литовский законодатель не нашел оснований для криминализации такого деяния, как нарушение правил использования земель.

Следует отметить и то, что литовские парламентарии не ограничивают круг субъектов рассматриваемого преступления лишь физическими лицами, предусмотрев в ч. 3 ст. 270 УК Литвы возможность привлечения к ответственности и юридических лиц. Это полностью согласуется с действующими в Литве принципами охраны окружающей среды, в частности, принципами «кто загрязняет, тот и платит» и «ноль толерантности» (Кравцов, Анищенко, 2011: 95).

Анализ санкций соответствующих уголовно-правовых норм позволяет выделить четыре наиболее типичных вида наказаний, которые предусматриваются за совершение преступлений против земельных ресурсов. В первую очередь это значительные суммы штрафов, исправительные работы (на срок до 2 или до 3 лет) и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в качестве дополнительного или основного вида наказания, которое назначается на срок не более 3 или 5 лет). Лишение же свободы предусматривается за квалифицированную (ч. 2) (в основном на срок до 2 или до 3 лет) и особо квалифицированную порчу земель (ч. 3), повлекшую по неосторожности смерть человека (в большинстве стран лишение свободы на срок от 2 до 5 лет, в Казахстане и Киргизии – до 7, а в Таджикистане – до 8). Латвийские же парламентарии за загрязнение или засорение земель, лесов или вод, повлекшее тяжкие последствия, предусмотрели наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

4. Результаты

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в странах СНГ проблеме уголовно-правовой охраны земельных ресурсов уделяется достаточное внимание. Во многих из анализируемых государств заметное влияние на формирование норм, посвященных регламентации ответственности за преступные посягательства против земельных ресурсов, оказали положения Модельного УК СНГ. В частности, это проявилось в том, что в уголовных кодексах большинства стран СНГ содержится норма, которая предусматривает ответственность за такое деяние, как порча земли. В то же время следует отметить, что с целью создания более эффективных механизмов уголовно-правовой защиты земельных ресурсов, законодатели некоторых государств отнесли к уголовно наказуемым и такие деяния, как нарушение порядка использования земель (Латвия, Узбекистан) и нарушение порядка рекультивации земель (Беларусь, Киргизия).

Также следует обратить внимание на то, что в уголовном законодательстве Латвии, Литвы и Узбекистана отсутствует специальный запрет, посвященный порче земель, ответственность за которую регламентируется универсальной нормой о загрязнении всех видов природных ресурсов (земли, воды, воздуха).

5. Заключение

Результаты проведенного исследования дают основания полагать, что при дальнейшем усовершенствовании отечественного уголовно-правового механизма защиты земельных ресурсов, следует учесть соответствующий позитивный опыт стран СНГ, в уголовных кодексах которых: дифференцируется ответственность за любые квалифицированные проявления порчи земель (ч. 2) и такое же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3); для привлечения к уголовной ответственности за порчу земель не требуется доказывания каких-либо специальных правил обращения с опасными веществами (материалами); признаки объективной стороны преступления, аналогичного по содержанию ст. 254 УК Украины, описываются не с помощью формулировки «бесхозяйственное использование земли», а с помощью указания на терминологический оборот «нарушение порядка использования земли».

Примечания

Букалерова, Швейгер, 2013 – Букалерова Л.А., Швейгер А.О. Уголовно-правовая охрана природы от загрязнения: международный и зарубежный аспекты // Вестник

Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2013. № 2. С. 51–59.

Додонов, 2009 – Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография / [Под общ. и науч. ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ С.П. Щербы]. М.: Юрлитинформ, 2009. 448 с.

Кравцов, Анищенко, 2011 – Кравцов Р.В., Анищенко А.С. Уголовно-правовая политика в области охраны окружающей природной среды в России и странах Европы // *Сибирский юридический вестник*. 2011. № 1. С. 91–98.

Кримінальний кодекс України – Кримінальний кодекс України [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/print1469857284362606>.

Модельный Уголовный Кодекс... – Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/crim.pdf>.

Олійник, 2013 – Олійник О.С. Деякі особливості об'єктивної сторони незаконного заволодіння ґрунтовим покривом (поверхневим шаром) землі (ст. 239-1 КК України) // Форум права. 2013. № 2. С. 417–422 [Электронный ресурс]. URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgi_irbis_64.exe.

Пенязькова, 2013 – Пенязькова О.А. Уголовно-правовая охрана земель по уголовным кодексам Украины и других государств-участников СНГ: сравнительно-правовое исследование // *Юридические науки и образование*. 2013. № 39. С. 124–137.

Саидов, 2000 – Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / [Под ред. В.А. Туманова]. М.: Юристъ, 2000. 448 с.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики – Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>.

Уголовный кодекс Грузии – Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики – Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://online.adviser.kg/document/?doc_id=30222833&mode=all.

Уголовный кодекс Республики Армения – Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>.

Уголовный кодекс Республики Беларусь – Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_.

Уголовный кодекс Республики Казахстан – Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

Уголовный кодекс Республики Молдова – Уголовный кодекс Республики Молдова // <http://lex.justice.md/ru/331268/>.

Уголовный кодекс Республики Таджикистана – Уголовный кодекс Республики Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан – Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: http://lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457.

Уголовный кодекс Российской Федерации – Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/.

Уголовный кодекс Туркменистана – Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286#pos=1428;-247.

Фаткулин, 2006 – Фаткулин С.Т. Уголовно-правовая охрана земли по законодательству отдельных зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2006. № 13. С. 349–355.

Хавронюк, 2013 – Хавронюк М.І. Наукове осмислення правової доктрини та кримінального законодавства зарубіжних країн // *Вісник Асоціації кримінального права України*. 2013. № 1. С. 298–347.

[Criminal Law..., a](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) – Criminal Law of the Republic of Latvia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>.

[Criminal Law..., b](http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_e?p_id=1118584&p_tr2=2) – Criminal Code of the Republic of Lithuania [Электронный ресурс]. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_e?p_id=1118584&p_tr2=2.

References

[Bukalerova, Shveiger, 2013](#) – *Bukalerova, L.A., Shveiger, A.O.* (2013). Ugolovno-pravovaya okhrana prirody ot zagryazneniya: mezhdunarodnyi i zarubezhnyi aspekty [The criminal-legal protection of nature from pollution: international and foreign aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*. 2: 51–59. [in Russian]

[Dodonov, 2009](#) – *Dodonov, V.N.* (2009). Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [The comparative criminal law. A common part.]. Monografiya / [Pod obshch. i nauch. red. d.yu.n., professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF S.P. Shcherby]. M.: Yurlitinform, 448 s. [in Russian]

[Fatkulin, 2006](#) – *Fatkulin S.T.* (2006). Ugolovno-pravovaya okhrana zemli po zakonodatel'stvu ot del'nykh zarubezhnykh stran: sravnitel'no-pravovoi analiz [The criminally-legal protection of land under the legislation of certain foreign countries: a comparative legal analysis]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 13: 349–355. [in Russian].

[Khavronyuk, 2013](#) – *Khavronyuk, M.I.* (2013). Naukove osmislennya pravovoi doktrini ta kriminal'nogo zakonodavstva zarubizhnykh kraïn. *Visnik Asotsiatsii kriminal'nogo prava Ukraïni*. 1: 298–347. [in Ukrainian].

[Kravtsov, Anishchenko, 2011](#) – *Kravtsov, R.V., Anishchenko, A.S.* (2011). Ugolovno-pravovaya politika v oblasti okhrany okruzhayushchei prirodnoi sredy v Rossii i stranakh Evropy [The criminal law policy in the field of environmental protection in Russia and European countries]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 1: 91–98. [in Russian].

[Kriminal'nii kodeks Ukraïni](#) – Kriminal'nii kodeks Ukraïni [Elektronnyi resurs]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/print1469857284362606>.

[Model'nyi Ugolovnyi Kodeks...](#) – Model'nyi Ugolovnyi Kodeks dlya gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/crim.pdf>.

[Oliinik, 2013](#) – *Oliinik, O.S.* (2013). Deyaki osoblivosti ob'ektivnoi storoni nezakonnoho zavolodinnya rruntovim pokrivom (poverkhnevim sharom) zemli (st. 239-1 KK Ukraïni). *Forum prava*. 2: 417–422 [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe.

[Penyaz'kova, 2013](#) – *Penyaz'kova, O.A.* (2013). Ugolovno-pravovaya okhrana zemel' po ugolovnym kodeksam Ukrainy i drugikh gosudarstv-uchastnikov SNG: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The criminally-legal protection of lands under the criminal codes of Ukraine and other CIS member states: comparative legal research]. *Yuridicheskie nauki i obrazovanie*. 39: 124–137. [in Russian].

[Saidov, 2000](#) – *Saidov, A.Kh.* (2000). Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti) [Comparative law (basic legal systems of modernity)]: Uchebnik / [Pod red. V.A. Tumanova]. M.: Yurist", 448 s. [in Russian].

[Ugolovnyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki](#) – Ugolovnyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>.

[Ugolovnyi kodeks Gruzii](#) – Ugolovnyi kodeks Gruzii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>.

[Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki](#) – Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki [Elektronnyi resurs]. URL: http://online.adviser.kg/document/?doc_id=30222833&mode=all.

[Ugolovnyi kodeks Respubliki Armeniya](#) – Ugolovnyi kodeks Respubliki Armeniya [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>.

[Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus'](#) – Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' [Elektronnyi resurs]. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=HK9900275#load_text_none_1_.

[Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan](#) – Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan [Elektronnyi resurs]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

[Ugolovnyi kodeks Respubliki Moldova](http://lex.justice.md/ru/331268/) – Ugolovnyi kodeks Respubliki Moldova // <http://lex.justice.md/ru/331268/>.

[Ugolovnyi kodeks Respubliki Tadjikistana](http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375) – Ugolovnyi kodeks Respubliki Tadjikistana [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375.

[Ugolovnyi kodeks Respubliki Uzbekistan](http://lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457) – Ugolovnyi kodeks Respubliki Uzbekistan [Elektronnyi resurs]. URL: http://lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457.

[Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/) – Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/.

[Ugolovnyi kodeks Turkmenistana](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286#pos=1428;-247) – Ugolovnyi kodeks Turkmenistana [Elektronnyi resurs]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286#pos=1428;-247.

[Criminal Law..., a](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) – Criminal Law of the Republic of Latvia [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

[Criminal Law..., b](http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_e?p_id=1118584&p_tr2=2) – Criminal Code of the Republic of Lithuania [Elektronnyi resurs]. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_e?p_id=1118584&p_tr2=2

УДК 343.97

Уголовно-правовая охрана земли за законодательством Украины и стран СНГ: компаративистский анализ

Роман Александрович Мовчан ^{a,*}

^a Донецкий национальный университет, Украина

Аннотация. В статье с использованием компаративистского метода исследования был изучен опыт уголовно-правовой охраны земельных ресурсов Украины и стран СНГ. Анализируются особенности конструирования предусмотренных уголовными кодексами стран СНГ основных и квалифицированных составов преступлений, посвященных регламентации ответственности за такое преступление, как порча земли, а также за другие преступления, посягающие на установленный порядок рационального использования, защиты и воспроизведения земель как сложной экосистемы, тесно связанной с другими элементами окружающей природной среды. Также рассматриваются санкции соответствующих уголовно-правовых норм. Выявлены общие и отличительные черты уголовно-правового механизма охраны земельных ресурсов в Украине и странах СНГ. В процессе исследования определяются направления дальнейшего усовершенствования уголовного законодательства Украины в соответствующей сфере.

Ключевые слова: уголовная ответственность, окружающая природная среда, земля, почва, порча земли, нерациональное использование земли.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: romanmov@mail.ru (Р.А. Мовчан)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 38-49

DOI: 10.13187/zngup.2017.38
<http://ejournal22.com>

UDC 347.4

Problems of Legal Regulation of the Inclusion of Organs and Tissues of Human Origin into Civil Circulation

Natalia N. Novikova ^{a, *}

^aUral state law University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the legal grounds for the inclusion of biological materials of human in civil circulation on the basis of norms of obligations (contractual) right. The gradual recognition of organs and tissues of the human body proprietary nature raises questions on the possibilities of involving of these objects in the civil turnover. These issues arise not only in Russian but also in foreign law and legal practice. This article examines the possibility of contractual regulation of these relations, including on a reimbursable basis. The study proposes a mechanism of such regulation, taking into account characteristics of legal and morally-ethical categories, including proposed changes to the current civil legislation.

Keywords: biological materials of human organs and tissue, donation, transplantation, contract, property law, bodily integrity.

1. Введение

Сегодня уже никого не удивишь фактами пересадки органов одного человека другому. Хирургические операции, связанные с трансплантацией органов и тканей ради спасения жизни, заняли достойное место среди методов лечения большого количества разнообразных болезней. Люди, проявляющие желание стать донором и отдать часть своего тела, своего организма другому, иногда совершенно незнакомому человеку, поощряются и со стороны государства, и со стороны общества. Однако, несмотря на очевидную значимость таких операций для медицины, тем не менее, ежегодно в мире умирает несколько сотен тысяч людей только по той причине, что им не была своевременно сделана соответствующая операция. И доля пациентов, умирающих в России, в этой цифре достаточно велика. Связано это не с неразвитостью соответствующей сферы медицины. Напротив, все медицинские аспекты донорства и трансплантации (как от живых, так и от умерших доноров) разработаны и опробованы в достаточной степени. Хватает и специалистов-медиков, работающих в сфере трансплантологии. Дело в ином. Как отмечает Д.С. Донцов, «...правовое регулирование трансплантации, являющейся одной из самых высокотехнологичных отраслей современной медицины, представляет собой сложную и нерешенную проблему» (Донцов, 2011: 3).

Юриспруденция заметно отстает от реальной ситуации. Зачастую фактические отношения, сложившиеся в связи с донорством и трансплантацией, оказываются за

* Corresponding author

E-mail addresses: n200482@mail.ru (N.N. Novikova)

пределами правового регулирования действующего законодательства в силу отсутствия в нем специальных правовых норм, направленных на решение сложных вопросов, в том числе связанных с морально-этическими аспектами и обеспечением глобального принципа прав человека. Относимость донорства и трансплантации к сфере медицинской деятельности, неизменно ставит перед законом сложные вопросы обеспечения максимальной защиты фундаментальных личных неимущественных прав человека, а именно его жизни и здоровья. При этом следует заметить, что в рамках отношений трансплантологии опасности подвергаются не только пациент, но и донор. Соответственно, перед законодателем возникает очень сложная проблема – проблема нахождения баланса прав и интересов отдельных индивидуумов, ожидающих от закона закрепления и обеспечения гарантий закрепления и свободного распоряжения неотъемлемыми правами человека.

Параллельно с этим на сегодняшний день на нормативном уровне не решены весьма сложные вопросы, ответы на которые, тем не менее, имеют принципиальное значение для развития трансплантологии как таковой. К таким вопросам, в частности, относятся вопросы вовлечения биологических материалов человеческого организма в гражданский оборот.

В Российской Федерации отношения в связи с трансплантацией регулируются специальным законодательством, в основе которого находятся нормы Закона о трансплантации ([О трансплантации органов...](#)). Нормы данного законодательного акта закрепляют определенные требования, относящиеся к донору, а именно к его дееспособности и состоянию здоровья. Кроме того, данный акт федерального законодательства предусматривает, что изъятие органов и тканей у живого донора должно преследовать обязательную цель – восстановление здоровья реципиента, при этом оно может происходить только «...в случае отсутствия пригодных для трансплантации органов и (или) тканей трупа или альтернативного метода лечения, эффективность которого сопоставима с эффективностью трансплантации органов и (или) тканей» ([Серебрякова, Варюшин, 2012: 38](#)).

Постепенное признание за органами и тканями человеческого организма вещно-правовой природы, ставит вопросы относительно возможности вовлечения данных объектов в гражданский оборот.

На сегодняшний день Закон о трансплантации запрещает куплю-продажу биологических материалов человеческого организма под угрозой уголовной ответственности (правда, справедливости ради, следует заметить, что уголовное законодательство не предусматривает соответствующего состава преступления). Вместе с тем многими исследователями констатируется факт, что Закон о трансплантации фактически запретил только одну разновидность гражданско-правовых сделок с органами и тканями человека – куплю-продажу, однако правомерность заключения иных сделок осталась за пределами правового регулирования российского законодательства.

В действующем гражданском законодательстве также не решены вопросы гражданского оборота органов и тканей человека. Вместе с тем, частичное регулирование данного вопроса можно найти в иных отраслях российского права. Так, в частности, нормы об органах и тканях человека появляются в законодательстве о внешнеэкономической деятельности ([Об основах государственного...](#)) (определены полномочия по определению порядка ввоза и вывоза биологических материалов человеческого организма), частично эти вопросы затрагивает и таможенное законодательство ([О вывозе...](#)). Закон об охране здоровья предусматривает возможность отчуждения (в том числе и возмездного ([Романовская, 2013: 67](#))) тела, органов и тканей умершего человека в медицинских, научных или образовательных целях.

Таким образом, на сегодняшний день в российском законодательстве сохраняется проблема признания за органами и тканями человеческого организма статуса объектов гражданского оборота, кроме того, не ясны возможности использования средств и методов договорного права при регулировании отношений донорства (как прижизненного, так и посмертного). В итоге действующее российское законодательство ставит перед юридической наукой и правоприменительной практикой достаточно актуальные вопросы и сложные задачи определения правовой природы органов и тканей человека, разрешения на их вовлечение в гражданский оборот, степени участия государства в таком обороте.

Одним из наиболее острых вопросов на сегодняшний день является вопрос о возможности отчуждения биологических объектов человеческого организма на возмездной основе.

2. Материалы и методы

Настоящая статья основана на анализе теоретических разработок, а также норм международного, иностранного и национального российского права, действующих в сфере трансплантологии. Исследование основано на анализе норм гражданского законодательства, в том числе Гражданского кодекса Российской Федерации ([Гражданский кодекс, а](#); [Гражданский кодекс, б](#)) (далее по тексту также ГК РФ), а также положений отраслевых нормативных актов, отнесенных к сфере медицинского права в целом (к примеру, Закон об охране здоровья ([Об основах охраны...](#))) и трансплантологии в частности (Закон о трансплантации, Закон о донорстве крови ([О донорстве крови...](#))). Были также исследованы подзаконные нормативные акты, акты международного и иностранного права. В качестве эмпирической основы исследования были использованы материалы правоприменительной практики российских и зарубежных судов, статистические данные, новостные ресурсы.

В методологическом плане статья основана на использовании общенаучных (анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.) и специально-юридических (сравнительно-правовой, формально-юридический и др.) методах научного исследования.

3. Обсуждение

Основное число как российских, так и зарубежных исследователей, отмечают, что «...коммерциализация донорства противоречит благородной и гуманной идее донорства – пожертвование органа (ткани) ради спасения жизни человека» ([Сергеев, Поспелова, 2013: 7](#)). При этом также отмечается, что запрет возмездных сделок с биологическими материалами человеческого организма неизменно приведет к значительному повышению степени юридических гарантий конституционных прав, в том числе права на жизнь и здоровье.

Не секрет, что незаконная торговля человеческими органами, в том числе сопряженная с их незаконным изъятием, зачастую приводящим к смерти донора, сегодня является достаточно острой медико-социальной проблемой, имеющей международный характер. Именно поэтому считается, что эта проблема должна решаться идентично во всех странах мира на основе международных принципов. В связи с этим на международном уровне принят ряд правовых актов, устанавливающих запрет на торговлю человеческими органами, к числу которых относятся: конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами ([Конвенция против...](#)), Соглашение о сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека ([О сотрудничестве...](#)), Конвенция о правах человека и биомедицине ([О защите прав...](#)), Рекомендация Совета Европы о торговле человеческими органами ([Совет Европы](#)) и ряд других. Все эти документы весьма критично относятся к возмездному донорству и содержат достаточно традиционный запрет на куплю-продажу органов и тканей человека. Помимо названных актов международного права представляется также необходимым назвать документы, принятые в рамках профессионального сообщества на международном уровне: Декларация по трансплантации человеческих органов, «строго осуждающая куплю-продажу человеческих органов» ([Декларация по трансплантации...](#)), Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами провозгласившая, что «...торговля органами и трансплантационный туризм попирают принципы справедливости, равенства и уважения к человеческому достоинству и должны быть запрещены» ([Трансплантационное Общество \(TTS\)](#)), при этом особый акцент сделан на том, что имущественно-финансовые факторы не должны оказывать влияния на распределение донорских органов среди пациентов.

Анализ названных документов позволяет констатировать, что современная международная доктрина резко отрицательно относится к возможности совершения коммерческих сделок с органами и тканями человека, призывая при этом государства применять меры уголовной ответственности за подобные факты.

Если обратиться к иностранному законодательству, то становится очевидным, что подавляющее большинство стран мира придерживаются провозглашенных международным сообществом принципов и закрепляют запрет на коммерческое донорство. Так, к примеру, с точки зрения немецкого законодательства, установлен уголовно-правовой запрет на коммерческие сделки с органами и тканями человека (Дубовик, Жалинская, 1998: 207). Те же положения можно найти и в законодательстве Великобритании (Human Tissue Act).

Несколько иной подход можно встретить в законодательстве стран СНГ. Так, к примеру, если в Казахстане закреплен достаточно традиционный запрет на куплю-продажу донорских органов (Республика Казахстан), то белорусский законодатель допускает совершение любых гражданско-правовых сделок, носящих безвозмездный характер, с органами и тканями человека, признанных вещами, ограниченными в обороте (Республика Беларусь). В Молдове же запрет на совершение коммерческих сделок с органами и тканями человека действует только в отношении медицинских учреждений, в отношении иных лиц такого запрета нет (Республика Молдова).

Американское законодательство (Uniform Anatomical Gift) допускает свободное совершение безвозмездных сделок донорства как прижизненных, так и посмертных, при этом в отношении посмертного донорства достаточно широко распространены договорные механизмы, а также использование возможностей завещания. Применительно к посмертному донорству в США также распространена конструкция так называемой «квазисобственности», которая позволяет близкому родственнику защитить как свои права, так и права умершего с одной стороны, и осуществить акт распоряжения органами и тканями, передав их для трансплантации, с другой стороны. Но тело умершего человека, тем не менее, не входит в наследственную массу, и, следовательно, не может быть предметом купли-продажи со стороны наследников и иных лиц (Афанасьева, 2003: 292). Несмотря на то, что правоприменительная практика американских судов допускает признание органов и тканей человека вещами (Майфат, Лисаченко, 2002: 5), тем не менее, государство устанавливает уголовную ответственность за коммерческое донорство, в том числе, осуществляемое посмертно.

Исключение из общего правила составляют правовые подходы Ирана, Турции и Индии, законодательство которых допускает заключение возмездных сделок с органами и тканями человека (Степанова, 2004: 31).

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что иностранное и международное право в целом направлено на запрет коммерческих сделок с органами и тканями человека. Вместе с тем, опыт стран, в которых данные сделки разрешены, свидетельствует о том, что надлежащая организация соответствующих процедур, не позволяет увеличиваться степени криминализации сферы трансплантологии.

В связи с этим вопрос о возможности продать свои органы и иные биологические производные своего тела продолжает оставаться открытым. Думается, что к ответу на данный вопрос нужно подходить с позиций цивилистической науки. В российской цивилистике биологические материалы человеческого организма признаются либо вещами (Малеина, 2003: 13), либо особыми объектами гражданских прав (Аполинская, 2009: 6), либо одним из личных неимущественных прав (Красавчикова, 1994: 101). В ходе предыдущих рассуждений, в рамках настоящего исследования был сделан вывод относительно вещно-правовой природы анатомических объектов, отделение которых не приведет прямо или косвенно к прекращению существования субъекта – их непосредственного носителя, а также не повлияет на его статус в качестве субъекта права. При этом до такого отделения органы и ткани человека не существуют как вещи, но являются объектом особого неимущественного права – права на телесную неприкосновенность.

Вещно-правовой статус анатомических объектов человека предопределяет возможность возникновения в отношении них различных вещных прав, в том числе права собственности. Соответственно, право собственности предполагает возможность свободного (в пределах законных рамок) распоряжение объектом собственности. По вопросу включения органов и тканей человека в гражданский оборот существует несколько позиций в отечественной научной литературе: от полного запрета до свободного обращения биологических объектов человеческого организма. При этом практически все

исследователи, которые отстаивают идею признания за органами и тканями человека статуса вещей в обороте, предполагают необходимость их классификации. Так, к примеру, М.Н. Малеина подразделяет биологические материалы человеческого организма на следующие категории: «1) трансплантаты, 2) органы и ткани, отчуждаемые в результате оказания медицинской помощи, 3) органы и ткани, отторжение которых не связано с медицинским вмешательством» (Малеина, 2003: 13-14), при этом критерием такого разделения выступает причина отделения органа от организма, а также предполагаемая цель его дальнейшего использования. Д.С. Донцов за основу классификации взял урегулированность нормами действующего законодательства возможности участия в гражданском обороте, в результате чего разделил биологические объекты на следующие группы: «органы и ткани, запрет на осуществление любых сделок в отношении которых прямо закреплен в Законе о трансплантации; репродуктивные ткани, а также кровь и ее компоненты, участие которых в гражданском обороте практически не урегулировано» (Донцов, 2010: 24).

Наибольшее внимания заслуживает позиция С.Н. Мызрова и В.А. Нагорного, которые полагают, что «...к проблеме правового регулирования оборота биологических материалов человека следует подходить дифференцированно» (Мызров, Нагорный, 2014: 39). Для подобной дифференциации авторами положен критерий восполняемости (возобновимости) соответствующих ресурсов. В итоге авторы выделили нерегенерируемые и регенерируемые органы и ткани. Первая группа включает в себя любые органы и ткани человеческого организма, утрата которых для организма является невозможной (в естественных условиях). Авторы делают вывод о том, что данные объекты непосредственно обеспечивают жизнь и здоровье человека, в силу чего их отчуждение на возмездной основе невозможно (при этом авторы призывают запретить не только заключение договора купли-продажи, но и иных возмездных сделок). Вторая группа биологических объектов включает в себя такие органы и ткани, которые в силу естественных свойств организма восполняются им с течением определенного времени. С учетом значимости таких ресурсов для обеспечения жизнедеятельности человека, авторы подразделяют регенерируемые биологические объекты человека на две подгруппы: регенерируемые ткани, куда относят, в том числе, кровь и ее компоненты, и репродуктивные ткани и прочие биологические материалы. В отношении первой подгруппы предлагается установление режима ограниченной оборотоспособности, вторая подгруппа допускается к свободному обороту.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности заключения договора возмездного донорства органов - объектов трансплантации. Думается, что сегодня вопросы возмездного донорства подвергаются неоправданной критике. Безусловно, пациент не должен платить за спасение своей жизни, это, как отмечают специалисты, аморально и негуманно. В общем смысле, правилом должно быть положение, согласно которому взаимоотношения между пациентом и врачом в трансплантологии «определяются, с одной стороны, конституционным правом каждого человека на получение бесплатной медицинской помощи, а с другой – конституционной обязанностью государства в лице государственных и муниципальных учреждений здравоохранения оказывать такую помощь» (Попов, Попова, 1999: 9-10). Вполне справедливым можно признать установление действующим законодательством запрета в отношении учреждений здравоохранения: «...учреждению здравоохранения, которому разрешено проводить операции по забору и заготовке органов и (или) тканей у трупа, запрещается осуществлять их продажу» (Дронец, Холлендер, 1991: 137).

Однако, если на ситуацию посмотреть «глазами донора», то ситуация меняется. Отчуждая свои биологические объекты, фактически части своего тела, донор подвергает себя риску, при этом последствия принятого сегодня решения могут проявиться спустя некоторое, в том числе и весьма продолжительное время. В этой ситуации думается, что признание возмездного донорства является более предпочтительным подходом. Однако возмездное донорство, в данном случае, следует трактовать не как получение вознаграждения за предоставленные биологические объекты, а как осуществление «...компенсации донору за причиненные неудобства, физические и моральные страдания, риск возможного ухудшения здоровья» (Малеина, 2003: 22). Так, авторы А.А. Серебрякова,

М.М. Арзамаскин и М.С. Варюшин критерием определения цены договора возмездного донорства считают капитализацию вреда здоровью ([Серебрякова и др., 2011: 157](#)).

В подтверждение подобного предложения приведем несколько аргументов. Подобное предложение актуально ввиду устоявшейся практики общественных отношений. Так, определенной популярностью пользуется купля-продажа волос и сцеженного грудного молока, критериями определения покупной цены которых выступают их количественные (объем, вес) и качественные (возраст, цвет) характеристики.

Говоря о режиме репродуктивных тканей человека, отметим, что вопросы их возмездного донорства на основе договорных начал фактически не регламентированы. Думается, что основное отличие исследуемого объекта от крови и ее компонентов заключается в том, что забор, например, спермы возможен лишь в пределах, определенных физиологической нормой, в то время как донорство крови ограничено медицинскими критериями, когда ценой ошибки может стать угроза здоровью человека. Поэтому применение модели договора купли-продажи в отношении репродуктивных тканей представляется вполне обоснованным. Следует отметить, что критериями определения покупной цены данного товара являются: стандарт, качество материала после разморозки, объем и др.

В отношении донорства крови и ее компонентов действующим законодательством косвенно предусмотрены признаки возмездного договора. Так Закон о донорстве крови указывает на возможность замены бесплатного питания донора его денежным эквивалентом. Однако говорить о признаках купли-продажи не приходится, поскольку данными действиями покупается не кровь, а обеспечивается ее скорейшая регенерация и восстановление здоровья донора ([Донцов, 2010: 26](#)).

Таким образом, думается, что в силу признания вещно-правового статуса за биологическими материалами человеческого организма, отношения по их передаче третьим лицам должны регулироваться средствами договорного права. В данных условиях справедливой видится позиция профессора М.Н. Малеиной, согласно которой сделку донорства следует считать «...не разновидностью договора купли-продажи, а договором *sui generis*» ([Малеина, 1995: 90](#)).

Специфическим содержанием такого договора является то, что на его основе передается право использования биологического объекта, относящегося к человеческому организму.

Предметом рассматриваемых договоров будут выступать орган и (или) ткань человека, в отношении которых заключен договор.

Важным является вопрос о сторонах такого договора. Думается, что договор характеризуется специальными субъектами. С одной стороны всегда должен выступать донор – физическое лицо, осуществляющее свое право на телесную неприкосновенность, обладающее при этом необходимым органом и (или). С другой стороны, должно выступать медицинское учреждение (как государственное, так и частное), имеющее лицензию на забор и хранение объектов трансплантации, которое в дальнейшем будет осуществлять распоряжение биологическим объектом путем осуществления его имплантации в организм реципиента, или непосредственно реципиент. Предполагается допустимым заключение трехстороннего договора, в котором будет принимать участие все названные субъекты. Однако обращается внимание на тот факт, что для обеспечения возможности договоров донорства необходимо внести изменения в Закон о трансплантации, исключив из него указание на то, что «...изъятие органа и (или) ткани у донора допускается только если он находится в генетической связи с реципиентом» ([О трансплантации органов...: абз. 6 ст. 11](#)).

Такой договор может носить целевой характер, под которым понимается изъятие органов или тканей человека в интересах конкретного лица. Вместе с тем, если конечный реципиент еще не определен, то отчуждение биологических материалов человеческого организма происходит в пользу государства, выполняющего свои обязательства перед гражданами по охране их жизни и здоровья. В этом случае некоторые специалисты предлагают заключать договор по модели договора, направленного на удовлетворение государственных нужд.

Важным условием такого договора должна стать цена. Допускается признание за ценой статуса существенного условия договора. Правовая природа отношений,

оформляемых в данном случае договором, позволяет выделить несколько вариантов его цены. Наиболее целесообразным представляется сочетание единовременной денежной компенсации, выплачиваемой донору непосредственно при изъятии биологического объекта, а также денежных сумм, которые необходимы для дальнейшего восстановления донором своего здоровья посредством получения медицинских и санаторно-курортных услуг. При таком подходе возможно сочетание императивного и диспозитивного подходов при определении цены: размер денежной компенсации может устанавливаться соглашением сторон договора, а объем и стоимость второй части цены – определяться государством. В договорах между донором и реципиентом можно предусмотреть отказ от выплаты компенсации, однако для договоров, заключаемых с медицинскими учреждениями, за исключением договоров о посмертном донорстве, выплата компенсации должна быть обязательной. В случае посмертного донорства, компенсация должна выступать в виде медицинских услуг и средств реабилитации при жизни донора (думается, что для защиты прав второй стороны договора в данном случае можно установить гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее по вине донора состояние органов и тканей, в отношении которых был заключен договор, с переложением ответственности на правопреемников в случае смерти донора). В целях гарантирования прав на жизнь и здоровье всем пациентам вне зависимости от их материального положения, в случае заключения договора с реципиентом, оплата цены договора может осуществляться с использованием ресурсов системы обязательного медицинского страхования.

Говоря о форме такого договора, с учетом положения ст. 161 ГК РФ и ст. 11 Закона о трансплантации, представляется возможным констатировать, что договор подлежит заключению в письменной форме. При этом для обеспечения максимальной защищенности прав донора, и гарантирования его свободного волеизъявления на донорство представляется целесообразным воспользоваться моделью, предложенной немецким законодателем. Заключение договора донорства нерегенерируемых органов и тканей должно происходить на заседании особой комиссии, в состав которой будут входить 1) врач, который сможет оценить состояние здоровья потенциального донора с точки зрения последствий изъятия соответствующего биологического объекта, 2) специалист в области психиатрии, роль которого будет состоять в оценке психического состояния потенциального донора с целью подтверждения осознанного и добровольного волеизъявления, 3) нотариус, который будет удостоверяет договор в целях подтверждения правомерности его заключения. Думается, что к таким договорам возможно применение норм ст. 716 ГК РФ, которые обязывают предупреждать о возможных негативных последствиях, связанных с исполнением договора. В данном случае предполагается, что на вторую сторону договора (медицинское учреждение или реципиента) может быть возложена обязанность информирования донора о возможных негативных последствиях отчуждения того или иного биологического объекта.

Вышеприведенная характеристика договора донорства позволяет констатировать, что подобные договоры гражданским законодательством не предусмотрены. Однако в силу положений ст. 421 ГК РФ, стороны могут заключать и непоименованные в законодательстве договоры, в том числе договоры, носящие смешанный характер. Действительность такого договора будет определяться его соответствием общим требованиям российских правовых актов. Представляется, что подобные договоры не вступают в противоречие с положениями Закона о трансплантации, запрещающими куплю-продажу человеческих органов и тканей, так как в данном случае речь идет не об оплате биологического объекта, а о компенсации вреда, причиненного здоровью донора.

4. Результаты

Современное развитие российской правовой системы позволяет включить органы и ткани человека в гражданский оборот. При этом для его обеспечения представляется необходимым законодательно закрепить договорный механизм отношений донорства. В Закон о трансплантации должны быть включены нормы о договорах донорства в следующих формулировках:

1. По договору возмездного донорства одна сторона (донор) обязуется передать вещь (объект трансплантации) в целях трансплантационного использования другой стороне (медицинскому учреждению или реципиенту), а вторая сторона обязуется принять изъятый

объект трансплантации и уплатить за него определенную денежную сумму (цену), определяемую капитализацией вреда здоровью.

2. По договору безвозмездного донорства акт донорства осуществляется в форме пожертвования.

3. В случае если стороной договора выступает медицинское учреждение, оно принимает на себя обязанность изъятия объекта трансплантации из организма донора при непричинении его здоровью существенного вреда».

Представляется, что российское законодательство может и должно признать оптимальной моделью договорный механизм распоряжения личным неимущественным правом на телесную неприкосновенность (как при жизни, так и после смерти).

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что нормативная база, определяющая правовой режим донорства и трансплантации человеческих органов и тканей, достаточно объемна. Вместе с тем, следует отметить, что действующие правовые акты не составляют качественной нормативной основы трансплантологии и донорства в России.

Представляется, что существует необходимость выделения и закрепления в ГК РФ личного неимущественного права – права на телесную неприкосновенность, которое может быть определено как право физического лица на независимое и самостоятельное распоряжение собственным телом и его отдельными частями. Осуществление данного права должно быть основано на функционировании особого договорного механизма, предполагающего возмездный характер. В этих целях в действующем законодательстве необходимо предусмотреть возможность заключения Договора донорства, предполагающего осуществление выплат донору в целях компенсации вреда, причиненного его жизни и здоровью. При этом в целях обеспечения прав, как доноров, так и реципиентов, заключение и содержание таких договоров должно быть поставлено под жесткий контроль со стороны государства.

Литература

Аполинская, 2009 – Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Иркутск, 2009.

Афанасьева, 2003 – Афанасьева Е.Г. Донор и реципиент перед лицом закона // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр. М., 2003.

Гражданский кодекс, а – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23.05.2016 г. № 146-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Собрание законодательства РФ. 2016. № 22. Ст. 3094.

Гражданский кодекс, б – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г. № 354-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4287.

Декларация по трансплантации... – Декларация по трансплантации человеческих органов: октябрь 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.med-pravo.ru/International/Transpl_Decl.htm

Донцов, 2010 – Донцов Д.С. Перспективы совершенствования гражданского законодательства РФ, регламентирующего участие органов и тканей живого человека в обязательственных отношениях // *Медицинское право*. 2010. № 2.

Донцов, 2011 – Донцов Д.С. Роль гражданско-правовых норм в регулировании общественных отношений по клинической трансплантации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.03. Ростов-на-Дону, 2011.

Дргонец, Холлендер, 1991 – Дргонец Я., Холлендер П. Современная медицина и право. М.: Юридическая литература, 1991.

Дубовик, Жалинская, 1998 – Дубовик О.Л., Жалинская А.А. Законодательство ФРГ о трансплантации органов и тканей // *Журнал российского права*. 1998. № 10. С. 206-212.

Конвенция против... – Конвенция против торговли человеческими органами: конвенция от 25 марта 2015 г. // Собрание законодательства РФ. 2015. № 26. Ст. 3887

Красавчикова, 1994 – Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. акад., 1994.

Майфат, Лисаченко, 2002 – Майфат А.В., Лисаченко А.В. Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия: Некоторые предложения для обсуждения // *Юридический мир*. 2002. № 2. С. 4-15.

Малеина, 1995 – Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве: Учебное и практическое пособие. М.: БЕК, 1995.

Малеина, 2003 – Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // *Законодательство*. 2003. №11. С. 13-22.

Мызров, Нагорный, 2014 – Мызров С.Н., Нагорный В.А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // *Медицинское право*. 2014. №3. С. 35-40.

О вывозе... – О вывозе из Российской Федерации органов и (или) тканей человека, предназначенных для трансплантации: письмо от 19 августа 1998 г. № 01-15/17536 [Электронный ресурс]. СПС Консультант плюс, 2016.

О донорстве крови... – О донорстве крови и ее компонентов: фед. закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ (ред. от 23.05.2016 г. № 149-ФЗ) // *Российская газета*. 2012. 23 июля; *Российская газета*. 2016. 25 мая.

О защите прав... – О защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине: Конвенция от 04 апреля 1997 г. ETS № 164 (ред. от 25.01.2005) [Электронный ресурс] – СПС Консультант плюс, 2016

О сотрудничестве... – О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека: соглашение от 25 ноября 2005 г. // *Бюллетень международных договоров*. 2007. № 6. С. 5-11.

О трансплантации органов... – О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон Рос. Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 23.05.2016 г. № 149-ФЗ) // *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1993. № 2. Ст. 62; *Российская газета*. 2016. 25 мая.

Об основах государственного... – Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: фед. закон от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г. № 233-ФЗ) // *Российская газета*. 2003. 18 декабря; *Российская газета*. 2015. 16 июля.

Об основах охраны... – Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.05.2016 г. № 149-ФЗ) // *Российская газета*. 2011. 23 ноября; *Российская газета*. 2016. 25 мая.

Попов, Попова, 1999 – Попов В.Л., Попова Н.П. Правовые основы медицинской деятельности: справочно-информационное пособие. СПб.: Деан, 1999.

Республика Беларусь – Республика Беларусь. О трансплантации органов и тканей: закон от 04 марта 1997 г. № 28-З. [Электронный ресурс]. URL: <http://laws.newsby.org/documents/laws/law1067.htm>

Республика Казахстан – Республика Казахстан. Об охране здоровья граждан: закон от 07 июля 2006 г. №170-З [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=03310>

Республика Молдова – Республика Молдова. О трансплантации органов и тканей человека: закон от 25 июня 1999 г. № г.473-XIV [Электронный ресурс]. URL: http://hemophilia.ucoz.ru/blog/zakon_respubliki_moldova_o_transplantacii_organov_i_tkanej_cheloveka/2010-01-25-17

Романовская, 2013 – Романовская О.В. Правовые основы использования тела, органов и тканей умершего человека // *Менеджер здравоохранения*. 2013. №10. С. 65-70.

Сергеев, Поспелова, 2013 – Сергеев Ю.Д., Поспелова С.И. Современное состояние и проблемы правового регулирования донорства и трансплантации органов и тканей человека // *Медицинское право*. 2013. №1. С. 3-9.

Серебрякова и др., 2011 – Серебрякова А.А., Арзамаскин М.М., Варюшин М.С. Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека в целях

трансплантации как особых объектов гражданского права (компаративистское исследование) // *Власть*. 2011. №8. С. 155-157.

Серебрякова, Варюшин, 2012 – *Серебрякова А.А., Варюшин М.С.* Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека как особых объектов гражданского права в целях трансплантации (компаративистское исследование) // *Медицинское право*. 2012. №2. С. 36-39.

Совет Европы – Совет Европы. Комитет министров. О торговле человеческими органами: рекомендация от 19 мая 2004 г. № Rec (2004) 7 [Электронный ресурс]. СПС Консультант плюс, 2016.

Степанова, 2004 – *Степанова Е.Н.* Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2004.

Трансплантационное Общество (TTS) – Трансплантационное Общество (TTS). Международное общество нефрологии (ISN). Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами: декларация Стамбульского Саммита от 30 апреля – 02 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://transpl.ru/files/npa/stambul_skaya_deklaraciya.pdf

Human Tissue Act – Human Tissue Act. 2004.

Uniform Anatomical Gift – Uniform Anatomical Gift Act, 2006.

References

Apolinskaya, 2009 – *Apolinskaya, N.V.* (2009). Biologicheskie ob"ekty cheloveka v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii [The biological objects of man in the civil law of the Russian Federation]: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Irkutsk [in Russian].

Afanas'eva, 2003 – *Afanas'eva, E.G.* (2003). Donor i retsipient pered litsom zakona [Donor and the recipient in the face of the law]. *Sovremennoe meditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom*: Sb. nauch. tr. M. [in Russian].

Grazhdanskii kodeks, a – *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya): feder. zakon ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ (v red. ot 23.05.2016 g. № 146-FZ)*. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. № 5. St. 410; *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2016. № 22. St. 3094. [in Russian].

Grazhdanskii kodeks, b – *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (v red. ot 03.07.2016 g. № 354-FZ)*. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1994. № 32. St. 3301; *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2016. № 27 (chast' II). St. 4287. [in Russian].

Deklaratsiya po transplantatsii... – *Deklaratsiya po transplantatsii chelovecheskikh organov: oktyabr' 1987 g.* [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.med-pravo.ru/International/Transpl_Decl.htm [in Russian].

Dontsov, 2010 – *Dontsov, D.S.* (2010). Perspektivy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva RF, reglamentiruyushchego uchastie organov i tkanei zhivogo cheloveka v obyazatel'stvennykh otnosheniyakh [The perspectives of improving the civil legislation of the Russian Federation regulating the participation of organs and tissues of a living person in obligations relationships]. *Meditsinskoe pravo*. 2. [in Russian].

Dontsov, 2011 – *Dontsov, D.S.* (2011). Rol' grazhdansko-pravovykh norm v regulirovanii obshchestvennykh otnoshenii po klinicheskoi transplantatsii [The role of civil law in the regulation of public relations in clinical transplantation]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk; 12.00.03. Rostov-na-Donu, 2011. [in Russian].

Drgonets, Kholender, 1991 – *Drgonets, Ya., Kholender, P.* (1991). *Sovremennaya meditsina i pravo* [Modern medicine and law]. M.: Yuridicheskaya literature. [in Russian].

Dubovik, Zhalinskaya, 1998 – *Dubovik, O.L., Zhalinskaya, A.A.* (1998). *Zakonodatel'stvo FRG o transplantatsii organov i tkanei* [The legislation of Germany on transplantation of organs and tissues]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 10: 206-212. [in Russian].

Konventsiya protiv..., 2015 – *Konventsiya protiv torgovli chelovecheskimi organami* [The convention against human trafficking]: konventsiya ot 25 marta 2015 g. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2015. № 26. St. 3887 [in Russian].

Krasavchikova, 1994 – *Krasavchikova, L.O.* (1994). *Ponyatie i sistema lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi*

Federatsii [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. jurid. akad. [in Russian].

Maifat, Lisachenko, 2002 – *Maifat, A.V., Lisachenko, A.V.* (2002). Telo cheloveka, ego otdel'nye chasti kak ob"ekty pravovogo vozdeistviya: Nekotorye predlozheniya dlya obsuzhdeniya [The human body, its separate parts as objects of legal influence: some proposals for discussion]. *Yuridicheskii mir.* 2: 4-15. [in Russian].

Maleina, 1995 – *Maleina, M.N.* (1995). Chelovek i meditsina v sovremennom prave [The man and medicine in modern law]: Uchebnoe i prakticheskoe posobie. M.: BEK. [in Russian].

Maleina, 2003 – *Maleina, M.N.* (2003). Status organov, tkanei, tela cheloveka kak ob"ektov prava sobstvennosti i prava na fizicheskuyu neprikosновенnost' [The status of organs, tissues, the human body as objects of property right and the right on physical integrity]. *Zakonodatel'stvo.* 11: 13-22. [in Russian].

Myzrov, Nagornyi, 2014 – *Myzrov, S.N., Nagornyi, V.A.* (2014). K voprosu o veshchno-pravovom statuse organov i tkanei cheloveka: differentsirovannyi podkhod k razresheniyu problem [On the issue of the proprietary-legal status of human organs and tissues: a differentiated approach to resolving the problem]. *Meditsinskoe pravo.* 3: 35-40. [in Russian].

O vyvoze... – O vyvoze iz Rossiiskoi Federatsii organov i (ili) tkanei cheloveka, prednaznachennykh dlya transplantatsii: pis'mo ot 19 avgusta 1998 g. № 01-15/17536 [Elektronnyi resurs]. SPS Konsul'tant plyus, 2016. [in Russian].

O donorstve krovi... – O donorstve krovi i ee komponentov: fed. zakon ot 20 iyulya 2012 g. № 125-FZ (red. ot 23.05.2016 g. № 149-FZ). Rossiiskaya gazeta. 2012. 23 iyulya; Rossiiskaya gazeta. 2016. 25 maya. [in Russian].

O zashchite prav... – O zashchite prav cheloveka i chelovecheskogo dostoinstva v svyazi s primeneniem dostizhenii biologii i meditsiny: Konventsiya o pravakh cheloveka i biomeditsine: Konventsiya ot 04 aprelya 1997 g. ETS № 164 (red. ot 25.01.2005) [Elektronnyi resurs]. SPS Konsul'tant plyus, 2016 [in Russian].

O sotrudnichestve..., 2007 – O sotrudnichestve gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v bor'be s torgovlei lyud'mi, organami i tkanyami cheloveka: soglasenie ot 25 noyabrya 2005 g. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov.* 6: 5-11. [in Russian].

O transplantatsii organov... – O transplantatsii organov i (ili) tkanei cheloveka: zakon Ros. Federatsii ot 22 dekabrya 1992 g. № 4180-1 (red. ot 23.05.2016 g. № 149-FZ). *Vedomosti SND i VS RF.* 1993. № 2. St. 62; *Rossiiskaya gazeta.* 2016. 25 maya. [in Russian].

Ob osnovakh gosudarstvennogo... – Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoi deyatel'nosti: fed. zakon ot 08 dekabrya 2003 g. № 164-FZ (red. ot 13.07.2015 g. № 233-FZ). *Rossiiskaya gazeta.* 2003. 18 dekabrya; *Rossiiskaya gazeta.* 2015. 16 iyulya. [in Russian].

Ob osnovakh okhrany... – Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ (red. ot 23.05.2016 g. № 149-FZ) // *Rossiiskaya gazeta.* 2011. 23 noyabrya; *Rossiiskaya gazeta.* 2016. 25 maya. [in Russian].

Popov, Popova, 1999 – *Popov, V.L., Popova, N.P.* (1999). Pravovye osnovy meditsinskoi deyatel'nosti [The legal basis of medical activity]: spravochno-informatsionnoe posobie. SPb.: Dean. [in Russian].

Respublika Belarus' – Respublika Belarus'. O transplantatsii organov i tkanei: zakon ot 04 marta 1997 g. № 28-Z. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://laws.newsby.org/documents/laws/law1067.htm> [in Russian].

Respublika Kazakhstan – Respublika Kazakhstan. Ob okhrane zdorov'ya grazhdan: zakon ot 07 iyulya 2006 g. №170-3 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=03310> [in Russian].

Respublika Moldova – Respublika Moldova. O transplantatsii organov i tkanei cheloveka: zakon ot 25 iyunya 1999 g. № r.473-XIV [Elektronnyi resurs]. URL: http://hemophilia.ucoz.ru/blog/zakon_respubliki_moldova_o_transplantacii_organov_i_tkanej_cheloveka/2010-01-25-17 [in Russian].

Romanovskaya, 2013 – *Romanovskaya, O.V.* (2013). Pravovye osnovy ispol'zovaniya tela, organov i tkanei umershego cheloveka [The legal basis for the use of the body, organs and tissues of the deceased person]. *Menedzher zdravookhraneniya.* 10: 65-70. [in Russian].

[Sergeev, Pospelova, 2013](#) – Sergeev, Yu.D., Pospelova, S.I. (2013). Sovremennoe sostoyanie i problemy pravovogo regulirovaniya donorstva i transplantatsii organov i tkanei cheloveka [The current state and problems of legal regulation of donation and transplantation of human organs and tissues]. *Meditsinskoe pravo*. 1: 3-9. [in Russian].

[Serebryakova i dr., 2011](#) – *Serebryakova, A.A., Arzamaskin, M.M., Varoyushin, M.S.* (2011). Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya organov i tkanei cheloveka v tselyakh transplantatsii kak osobykh ob'ektov grazhdanskogo prava (komparativistskoe issledovanie) [The state legal regulation of the use of human organs and tissues for the purpose of transplantation as special objects of civil law (comparative study)]. *Vlast'*. 8: 155-157. [in Russian].

[Serebryakova, Varyushin, 2012](#) – *Serebryakova, A.A., Varyushin, M.S.* (2012). Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya organov i tkanei cheloveka kak osobykh ob'ektov grazhdanskogo prava v tselyakh transplantatsii (komparativistskoe issledovanie) [The state legal regulation of the use of human organs and tissues as special objects of civil law for the purpose of transplantation (comparative study)]. *Meditsinskoe pravo*. 2: 36-39. [in Russian].

[Sovet Evropy](#) – Sovet Evropy. Komitet ministrov. O torgovle chelovecheskimi organami: rekomendatsiya ot 19 maya 2004 g. № Rec (2004) 7 [Elektronnyi resurs]. SPS Konsul'tant plyus, 2016. [in Russian].

[Stepanova, 2004](#) – *Stepanova, E.N.* Transplantatsiya organov cheloveka: mirovoi opyt i Rossiya (grazhdansko-pravovoi aspekt) [The transplantation of human organs: world experience and Russia (legal aspect)]: Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. M., 2004. [in Russian].

[Transplantatsionnoe Obshchestvo \(TTS\)](#) – Transplantatsionnoe Obshchestvo (TTS). Mezhdunarodnoe obshchestvo nefrologii (ISN). Stambul'skaya deklaratsiya o transplantatsionnom turizme i torgovle organami: deklaratsiya Stambul'skogo Sammita ot 30 aprelya – 02 maya 2008 g. [Elektronnyi resurs]. URL: http://transpl.ru/files/npa/stambul_skaya_deklaratsiya.pdf [in Russian].

[Human Tissue Act](#) – Human Tissue Act. 2004. [in English].

[Uniform Anatomical Gift](#) – Uniform Anatomical Gift Act, 2006. [in English].

УДК 347.4

Проблемы гражданско-правового регулирования включения органов и тканей человека в гражданский оборот

Наталья Александровна Новикова ^{а,*}

^аУральский государственный юридический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основания включения биологических материалов человека в гражданский оборот на основе норм обязательственного (договорного) права. Постепенное признание за органами и тканями человеческого организма вещно-правовой природы, ставит вопросы относительно возможности вовлечения данных объектов в гражданский оборот. Данные вопросы возникают не только в российской, но и в зарубежной законодательной и правоприменительной практике. В статье исследуется возможность договорного регулирования данных отношений, в том числе на возмездной основе. В рамках исследования предлагается механизм такого регулирования с учетом особенностей правовых и морально-этических категорий, в том числе предлагаются изменения в действующее гражданское законодательство.

Ключевые слова: биологические материалы человека, органы и ткани, донорство, трансплантация, договор, вещное право, телесная неприкосновенность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n200482@mail.ru (Н.А. Новикова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 50-57

DOI: 10.13187/zngup.2017.50
<http://ejournal22.com>

UDC 343.2/.7

Russian and Muslim Criminal Law: A Potential of Convergence

Ramiz F. Shahbazov ^{a, *}, Alexander A. Sizov ^a

^a Kursk Institute of social education (branch) of Russian state social University, Russian Federation

Abstract

In the presented article provides suggestions on the implementation of certain norms of Islamic criminal law in criminal legislation of the Russian Federation, and focuses on the relevance of understanding the possible convergence of the Russian and Muslim criminal law. Objective analysis has raised has contributed to the consideration of some examples of rebuking the religious rules of behaviour, norms as a kind of social, in legal form. The purpose of this scientific article is to identify potential convergence of Russian and Muslim criminal law. For this purpose, in particular, were analyzed Russian legislation and Islamic law in foreign countries. Special attention is given to presence in the primary source of Islamic law is now recognized democratic community principles of criminal law.

Keywords: criminal law; Islam; Quran; convergence; principles.

1. Введение

Взаимосвязь религиозных и правовых норм

На протяжении уже многих столетий человечество занимается изысканием и разработкой наиболее эффективных средств формирования в своих представителях ответственного и, вместе с тем, уважительного отношения к правам, свободам и законным интересам друг друга.

Сказанное нами не является преувеличением; сама история служит подтверждением этому. Относительно российского государства в качестве очевидного свидетельства выступает эволюция его уголовного законодательства.

Несомненно, содержание уголовно-правовых норм в России, на различных этапах ее развития, менялось, однако цель национальной уголовной политики всегда заключалась и заключается в ограждении от преступных действий (бездействий) прав и свобод, то есть в обеспечении состояния их защищенности.

Именно уголовное право всегда имело статус наиболее репрессивной отрасли отечественного права, предназначенной оказывать на субъекты общественно опасного поведения ответное правовое воздействие.

Как известно, правовая норма есть разновидность социальной нормы, как и правила поведения морально-этического и религиозного характера. Исходя из этого, представляется возможным прийти к логичному выводу, согласно которому правовые и религиозные

* Corresponding author

E-mail addresses: ramiz1999@yandex.ru (R.F. Shahbazov), sizov46@mail.ru (A.A. Sizov)

нормы имеют, по крайней мере, один общий признак – регулирование общественных отношений.

При этом, естественно, стоит признать наличие существенного отличия правовых норм от религиозных, заключающегося в принуждении человека к несению ответственности в случае нарушения норм права и отсутствии такого принуждения при нарушении норм религии.

Конечно, причина такой разницы очевидна и юридически обоснована. Российская Федерация является светским государством, от которого отделены равные перед законом религиозные объединения (ст. 14 Конституции). Поэтому ислам, а также относящиеся к данной религии предписания, которые регулируют уголовные правоотношения, не признаются в Российской Федерации составной частью ее уголовного законодательства.

2. Материалы и методы

Для выявления возможного потенциала конвергенции российского и мусульманского уголовного права был проведен анализ актов российского законодательства, а также исламского права в зарубежных странах.

В ходе исследования были использованы всеобщий (диалектический), общенаучные, а также частно-правовые методы (формально-юридический, системно-исторический, метод сравнительного правоведения).

3. Обсуждение

Несмотря на то, что мусульманское право не признано составной частью российского уголовного законодательства, мусульманское право играет важную роль в жизни нашего общества. Двадцать миллионов российских граждан исповедуют эту религию. Значительная часть граждан имеет одновременно обязанность соблюдать положения национального законодательства и священный для них долг следовать предписаниям ислама, а, соответственно, и мусульманского уголовного права.

Значение данного обстоятельства не должно преуменьшаться в Российской Федерации – поликонфессиональном государстве. Необходимость постоянного поддержания гармоничного уклада жизни представителей различных конфессий, этносов, а вместе с тем, и разных традиций, мировоззрений обусловлена одной из важнейших функций нашей страны – сохранение ее территориальной целостности. Статья 28 Конституции РФ гарантирует свободу совести и вероисповедания, в том числе, и право на индивидуальное либо совместное исповедание любой религии. Названная статья закрепляет свободу выбора и распространения религиозных убеждений, а также осуществления действий в соответствии с ними.

В свою очередь, свобода вероисповедания, провозглашаемая российским законом, не имеет абсолютного характера, что связано с необходимостью защиты основ конституционного строя нашего государства.

Так, в ч. 2 ст. 3 ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) «О свободе совести и религиозных объединениях» (О свободе..., 1997) предусмотрена возможность ограничения федеральным законом права человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, но только в мере, необходимой для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны и безопасности страны.

Примером таких взглядов служат убеждения экстремистской направленности, связанные с насильственным изменением основ конституционного строя и нарушением целостности Российской Федерации; публичным оправданием терроризма и иной террористической деятельностью; пренебрежительным отношением к представителям иной расы, национальности, конфессии или иного социального положения; признанием исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Согласно же утвержденной Президентом РФ «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» ([Стратегия противодействия..., 2014](#)) экстремизм, как идеология, представляет собой систему взглядов и идей, в соответствии с которыми насильственные и иные действия противоправного характера выступают в качестве основного средства разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов. Соответственно, в России не допускается распространение религиозных убеждений, оправдывающих такие взгляды и идеи. Тем более уж не стоит сомневаться в категорическом непринятии данных религиозных норм, как потенциальных для имплементации в отечественное право.

Представляется, что возможно, как минимум, рассуждать о наличии соответствующего потенциала у норм мусульманского права, по крайней мере, по причине отсутствия экстремистского содержания в их основном источнике – Коране. Однако в недавнем времени предпринималась попытка признания некоторых предписаний священной книги мусульман экстремистски направленными. Так, в августе предшествующего года судья Южно-Сахалинского суда приняла по иску прокурора г. Южно-Сахалинск о признании экстремистским материалом книгу «Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в исламе», в соответствии с которым были признаны экстремистскими цитаты из Корана. В свою очередь, 11 сентября того же года прокуратурой г. Южно-Сахалинск было обжаловано данное судебное решение и пояснено, что просьба о признании экстремистским материалом в поданном исковом заявлении касалась исключительно мнения самого автора, а не аятов из Корана. 4 ноября 2015 года Сахалинский областной суд отменил решение городского суда Южно-Сахалинска.

Стоит отметить получение данным событием общественного резонанса, вызвавшего реакцию не только лиц, исповедующих ислам и ведущих мусульманский образ жизни, но и главы российского государства, В.В. Путина.

В частности, Президентом Российской Федерации был внесен на рассмотрение депутатов законопроект, предложивший закрепить в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» статью 3.1, которая запрещала бы признавать экстремистскими материалами Библию, Коран, Танах, Ганджур, их содержание и цитаты из них. Уже 23 ноября 2015 года данное предложение в форме ФЗ «О внесении изменения в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»» № 314-ФЗ получило законную силу ([О внесении..., 2015](#)).

Интересно заметить реакцию председателя комитета Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции И. Яровой по поводу принятия закона. По ее словам, инициатива Президента РФ «подтверждает приверженность России традиционным ценностям, их сохранению и защите, направлена на обеспечение равного уважения к мировым традиционным религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия нашей страны» ([В. Путин внес...](#)).

В свете сказанного несложно выявить очевидное следствие, выражающееся в официальном признании факта не оправдания религией ислам взглядов и идей, содержащихся в идеологии экстремизма ([Шахбазов, 2015: 293](#)). Иными словами, данной конфессии в традиционном, классическом понимании, не придается статуса источника убеждений, которые могут представлять угрозу для основ конституционного строя и целостности России, нравственности, здоровья населения, а также прав и законных интересов человека и гражданина, безопасности государства.

Таким образом, в Российской Федерации существует нормативная основа, позволяющая, в частности, ее гражданам, являющимся правомерными мусульманами и основывающимися, соответственно, свою жизнедеятельность на предписаниях Корана, оставаться таковыми, не нарушая при этом российского законодательства.

В настоящей статье не предпринимается попытка побуждения законодателя к имплементации каких-либо конкретных положений мусульманского уголовного права в УК России. Нам бы хотелось обратить внимание на уместность рассуждений по поводу потенциала исламских норм быть воспринятыми в качестве приемлемых.

Принадлежность РФ к категории светских государств не является исключаящим актуальность затронутой нами проблемы обстоятельством, поскольку не составляет особого

труда проследить отражение в различных отраслях права нормы, которые когда-то были религиозными или являются таковыми по сей день.

Так, положения ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» об охране тайны исповеди законом. Недопустимо привлекать к уголовной ответственности священнослужителя по причине его отказа от дачи показаний по обстоятельствам, ставшим ему известными из исповеди. Из этого следует, что закон исключает ответственность священнослужителей по аналогии, например, с исключением ответственности за неразглашение адвокатской тайны. Однако должность адвоката все же относима к сфере светской жизни и урегулирована нормативными актами РФ (Сизов, Шахбазов, 2015: 74). Следовательно, религиозное правило о неразглашении тайны исповеди находит свое обеспечение со стороны светского российского права.

Таким образом, влияние некоторых религиозных норм на российское законодательство является фактом.

В отечественном уголовном законодательстве также представляется возможным наблюдать религиозные нормы, содержащиеся, в частности, уже в мусульманском праве (Сизов, Шахбазов, 2014: 44). Речь идет о классических принципах мусульманского уголовного права, которые по своему смыслу не имеют кардинальных отличий от основных начал уголовного права Российской Федерации, а также иных демократических европейских государств, что способствует формированию стабильной «правовой почвы» для взаимодействия мусульманской и российской уголовных политик (Сизов, Шахбазов, 2015: 192). В свою очередь, под классическими понимаются те принципы, которые содержатся в основном источнике мусульманского права – Коране.

Первым классическим принципом мусульманского права является принцип возложения уголовной ответственности по справедливости и защиты от несправедливой уголовной ответственности или принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение преступления.

Некоторые современные ученые полагают, что в исламе провозглашаются пять основных прав члена мусульманского сообщества (Али-заде, 2007; Buhl, Welch). Следовательно, данная конфессия закрепляет для всех гарантии от необоснованного ограничения или нарушения этих прав со стороны государства. В перечень упомянутых прав, в частности, входят: 1) право на религию; 2) право на жизнь; 3) право на мнение; 4) право на потомство; 5) право на собственность (Али-заде, 2007; Buhl, Welch).

Выведение данного принципа как одного из основополагающих для мусульманского уголовного права обусловлено реальной возможностью наблюдать его своеобразную формулировку в Коране: «Скажи: Неужели я стану искать другого Господа помимо Аллаха, в то время как Он является Господом всякой вещи? Каждая душа приобретает грехи только во вред самой себе. Ни одна душа не понесет чужого бремени. Затем вам предстоит вернуться к вашему Господу, и Он поведает вам о том, в чем вы расходились во мнениях» (Кулиев, 2012: 165). Также в Коране сказано: «Кто творит зло, тот получит за него воздаяние и не найдет для себя вместо Аллаха ни покровителя, ни помощника» (Lippman, 1989: 62).

Нельзя не отметить, что смысловое содержание принципа индивидуальной уголовной ответственности в мусульманском праве не вступает в кардинальное противоречие с уголовной политикой РФ. Кроме того, среди ученых распространяется мнение о первоначальном возникновении данного принципа именно в мусульманском праве, а не иных правовых системах (William et al., 2005).

Как и российское уголовное законодательство мусульманское уголовное право зиждется на принципе законности, во многом совпадающим с принципом законности, закрепляемом статьей 3 УК РФ (Бирюков, 2014). Согласно ст. 3 преступными и, соответственно, уголовно наказуемыми являются только те деяния, которые предусмотрены уголовным законом. В несколько ином виде подобный смысл передают слова из Корана: «Кто следует прямым путем, тот поступает во благо себе. А кто впадает в заблуждение, тот поступает во вред себе. Ни одна душа не понесет чужого бремени. Мы никогда не наказывали людей, не отправив к ним посланника».

В Коране явно отмечается недопустимость наказуемости людей за деяния, которые на момент их совершения не являлись преступными. Так, в Коране сказано: «Твой Господь не

уничтожал селения, пока не отправлял в важнейшее из них посланника, который читал им Наши аяты. Мы не уничтожали селения, если только их жители не были беззаконниками» (Козлихин, 2011: 424).

В качестве третьего классического принципа мусульманского права выступает принцип недопустимости обратной силы уголовного закона. Смысловое содержание данного принципа также схоже со смысловым содержанием аналогичного принципа уголовного законодательства западных стран. Причина его закрепления обусловлена религиозными канонами. Предназначением рассматриваемого принципа является защита человека, ставшего в недавнем времени мусульманином и еще не познавшего уголовные законы ислама. Вместе с тем, на современном этапе развития исламских государств принцип недопустимости обратной силы уголовного закона во все большей степени стал рассматриваться как фундаментальная гарантия, направленная на обеспечение защиты граждан от властного произвола со стороны государства.

Помимо приведенных, еще одним неотъемлемым классическим принципом мусульманского права, на наш взгляд, является презумпция невиновности. В современном понимании презумпция невиновности выступает в качестве основополагающего принципа уголовной политики каждого правового государства, и в соответствии с ним лицо, обвиняемое в совершении преступления, не может считаться виновным до момента признания его виновности вступившим в законную силу приговором суда. Данный принцип также исключает обязанность обвиняемого доказывать свою невиновность в уголовном процессе, поскольку бремя доказывания виновности обвиняемого полностью возлагается на субъекты уголовного преследования (Баев, 2013: 370).

Исходя из этого, данный принцип в определенной степени служит основой правовой защиты интересов обвиняемого, а значит и позволяет в некотором роде определить основные проблемы внутригосударственного регулирования правового статуса личности, поскольку «право на правовую защиту служит своеобразным индикатором юридического положения личности в обществе» (Бирюков, 1992: 74).

В свою очередь, убежденность в безусловном присутствии презумпции невиновности в мусульманском праве основано на положениях Корана: люди пребывают в состоянии первоначальной чистоты – «фитра», при котором человек придерживается абсолютного послушания воле Аллаха (William et al., 2005: 293). Мусульмане придерживаются позиции, связанной с чуждостью исламу идеи о первородном грехе, совершенном когда-то первыми людьми и передающемся каждому человеку при рождении. В подтверждение приведем следующую выдержку из Корана: «И ни одна душа не понесет ношу чужую» (Сура 17 «Аль-Исра», аят 15). Ислам призывает верить, что Аллах предоставил людям одинаковую склонность как к добру так и ко злу, что также подтверждается Кораном: «Клянись душой [человеческой] и Тем, кто ее сотворил и придал ей соразмерность, кто внушил ей ее грехи и ее благочестие. Преуспел тот, кто очистился душой. Понес урон тот, кто сокрыл [злое] в душе» (Сура Аш-Шаме 91, аяты 7-10). В соответствии с данными, а также другими аятами Корана в мусульманском судопроизводстве сложился принцип доверительного отношения к личности (презумпция невиновности).

Особо примечательно, что принцип презумпции невиновности в своеобразном виде закрепился в мусульманском праве ранее, чем в Европе в 1789 году.

В уголовном процессе существующих на сегодняшний день исламских государств, в которых уклад жизни населения, а также право в целом, подчинены канонам ислама, представляется возможным проследить последний из рассмотренных в настоящей статье классических принципов.

4. Результаты

В Российской Федерации значительная часть граждан имеет, одновременно, юридическую обязанность соблюдать положения национального законодательства и священный для них долг следовать предписаниям ислама, а, соответственно, и мусульманского уголовного права.

В России имеется нормативно-правовая основа для сочетания обязанности по соблюдению положений национального законодательства и священного для них долга следовать предписаниям ислама.

Наличие у России статуса светского государства не является обстоятельством, исключающим актуальность вопроса о потенциале конвергенции норм российского и мусульманского уголовного права.

Классические принципы мусульманского уголовного права не вступают в противоречие с основными началами уголовного процесса России и западных стран.

5. Заключение

В завершении осмысления потенциальной возможности конвергенции российского и мусульманского уголовного права считаем допустимым и обоснованным говорить об уместности и актуальности затрагивания данной темы в свете оказания серьезного влияния религии ислам на историческое прошлое и настоящее России, что обусловлено, в частности, следованием данной мировой конфессии значительным числом населения нашей страны.

Внимательное ознакомление с текстом основного источника мусульманского права – Корана, позволило прийти к выводу о содержании в нем основных начал уголовного права, отражение которых можно заметить в уголовном законодательстве РФ, а также иных демократических государств.

Приведенные обстоятельства дают повод для признания наличия у норм мусульманского права определенного потенциала к конвергенции с российским уголовным законодательством.

Литература

Али-заде, 2007 – Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь М.: Ансар, 2007. URL: <http://www.interfax.ru/russia/477436>

Баев, 2013 – Баев М.О. Методологические основы использования средств криминалистики в процессуальной деятельности адвоката-защитника // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2013. № 2. С. 368-379.

Бирюков, 1992 – Бирюков П.Н. Роль международно-правовых норм в обеспечении «права на правовую защиту» // *Правоведение*. 1992. № 2. С. 74-79.

Бирюков, 2014 – Бирюков П.Н. Международное право в основных мировых религиях (на примере ислама) // *Вестник Дипломатической Академии. Международное право*. 2014. № 1. С. 46-49.

В. Путин внес... – В. Путин внес в Госдуму законопроект о недопустимости считать Священные Писания экстремистскими [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soborjane.ru/bez-rubriki/v-putin-vnes-v-gosdumu-zakonoproekt-o-nedopustimosti-schitat-svyashhennye-pisaniya-ekstremistskimi>.

Козлихин, 2011 – Козлихин И.Ю. Мусульманское право // *Правоведение*. 2011. № 3 (296). С. 421-458.

Кулиев, 2012 – Кулиев Э.Р. Коран: Перевод смыслов. изд. 10-е, стер. М.: Эксмо, 2012. 688 с.

О внесении..., 2015 – О внесении изменения в ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности»: Федеральный закон от 23.11.15 № 314-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 48 (часть I). Ст. 6680.

О свободе..., 1997 – О свободе совести и религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) // *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 39. Ст. 4465.

Сизов, Шахбазов, 2014 – Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Теоретико-правовой анализ сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Иран в сфере уголовного судопроизводства // *Духовная ситуация времени. Россия XXI век*. 2014. № 2 (3). С. 43-47.

Сизов, Шахбазов, 2015 – Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Правовой статус иностранного гражданина по российскому уголовному законодательству // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2015. № 7. С. 191-194.

Сизов, Шахбазов, 2015 – Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Состязательность в российском уголовном процессе: сравнительный анализ с судопроизводством в мусульманском праве // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2015. №1 (14). С. 69-76.

Стратегия противодействия..., 2014 – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // СПС КонсультантПлюс.

Шахбазов, 2015 – Шахбазов Р.Ф. Презумпция невиновности как принцип мусульманского уголовного права / Сборник науч. статей Международной 5-й науч.-практ. конференции «Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития». Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 292-294.

Buhl, Welch – Buhl, F., Welch, A.T. Muhammad. Encyclopedia of Islam Online.

Lippman, 1989 – Lippman M. Islamic Criminal Law. Boston, 1989. P. 111.

William et al., 2005 – William H. McNeill; Jerry H. Bentley; David Christian, eds. (2005). Berkshire Encyclopedia of World History. Berkshire Publishing Group.

References

Ali-zade, 2007 – Ali-zade, A.A. (2007). Islamskii entsiklopedicheski slovar' [The Islamic Encyclopedic Dictionary]. M.: Ansar. URL: <http://www.interfax.ru/russia/477436> [in Russian].

Baev, 2013 – Baev, M.O. (2013). Metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya sredstv kriminalistiki v protsessual'noi deyatel'nosti advokata-zashchitnika [The methodological bases of the use of forensic science in the procedural activities of defense attorney]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo.* 2: 368-379. [in Russian].

Biryukov, 1992 – Biryukov, P.N. (1992). Rol' mezhdunarodno-pravovykh norm v obespechenii «prava na pravovuyu zashchitu» [The role of international legal norms in ensuring “the right to legal protection”]. *Pravovedenie.* 2: 74-79. [in Russian].

Biryukov, 2014 – Biryukov, P.N. (2014). Mezhdunarodnoe pravo v osnovnykh mirovykh religiyakh (na primere islama) [The international law in major world religions (on the example of islam)]. *Vestnik Diplomaticheskoi Akademii. Mezhdunarodnoe pravo.* 1: 46-49. [in Russian].

V. Putin vnes... – V. Putin vnes v Gosdumu zakonoproekt o nedopustimosti schitat' Svyashchennye Pisaniya ekstremistskimi [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.soborjane.ru/bez-rubriki/v-putin-vnes-v-gosdumu-zakonoproekt-o-nedopustimosti-schitat-svyashchennye-pisaniya-ekstremistskimi>. [in Russian].

Kozlikhin, 2011 – Kozlikhin, I.Yu. (2011). Musul'manskoe pravo [Muslim law]. *Pravovedenie.* 3(296): 421-458. [in Russian].

Kuliev, 2012 – Kuliev, E.R. (2012). Koran [Quran]: Perevod smyslov. izd. 10-e, ster. M.: Eksmo. 688 s. [in Russian].

O vnesenii..., 2015 – O vnesenii izmeneniya v FZ «O protivodeistvii ekstremistkoi deyatel'nosti»: Federal'nyi zakon ot 23.11.15 № 314-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 48 (chast' I). Ct. 6680. [in Russian].

O svobode..., 1997 – O svobode sovesti i religioznykh ob"edineniyakh: federal'nyi zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (v red. ot 28.11.2015). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 39. Ct. 4465.

Sizov, Shakhbazov, 2014 – Sizov, A.A., Shakhbazov, R.F. (2014). Teoretiko-pravovoi analiz sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii i Islamskoi Respubliki Iran v sfere ugovnogo sudoproizvodstva [Theoretical and legal analysis of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran in the field of criminal justice]. *Dukhovnaya situatsiya vremeni. Rossiya XXI vek.* 2(3): 43-47. [in Russian].

Sizov, Shakhbazov, 2015 – Sizov, A.A., Shakhbazov, R.F. (2015). Pravovoi status inostrannogo grazhdanina po rossiiskomu ugovnomu zakonodatel'stvu [The legal status of a foreign citizen under russian criminal law]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii.* 7: 191-194. [in Russian].

Sizov, Shakhbazov, 2015 – Sizov, A.A., Shakhbazov, R.F. (2015). Sostyazatel'nost' v rossiiskom ugovnom protsesse: sravnitel'nyi analiz s sudoproizvodstvom v musul'manskom prave [The competitiveness in the russian criminal process: a comparative analysis with judicial proceedings in muslim law]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo.* 1(14): 69-76. [in Russian].

Strategiya protivodeistviya..., 2014 – Strategiya protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda (utv. Prezidentom RF 28.11.2014 № Pr-2753). SPS Konsul'tantPlyus. [in Russian].

Shakhbazov, 2015 – *Shakhbazov, R.F.* (2015). Prezumpsiya nevinovnosti kak printsip musul'manskogo ugovnogo prava. Sbornik nauch. statei Mezhdunarodnoi 5-i nauch.-prakt. konferentsii «Issledovanie innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovanie napravlenii ego strategicheskogo razvitiya». Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», S. 292-294. [in Russian].

Buhl, Welch – *Buhl, F., Welch, A.T.* Muhammad. Encyclopedia of Islam Online. [in English].

Lippman, 1989 – *Lippman M.* Islamic Criminal Law. Boston, 1989. P. 111. [in English].

William et al., 2005 – *William H. McNeill; Jerry H. Bentley; David Christian, eds.* (2005). Berkshire Encyclopedia of World History. Berkshire Publishing Group. [in English].

УДК 343.2/.7

Российское и мусульманское уголовное право: потенциал конвергенции

Рамиз Физулиевич Шахбазов ^{а, *}, Александр Александрович Сизов ^а

^а Курский институт социального образования (филиал) РГСУ, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье не приводятся рекомендации по имплементации отдельных норм мусульманского уголовного права в уголовное законодательство Российской Федерации, а акцентируется внимание на допустимости рассмотрения вопроса о возможной конвергенции российского и мусульманского уголовного права. Объективный анализ норм российского законодательства позволил выявить некоторые примеры обличения религиозных правил поведения, как разновидности социальных норм, в нормативно-правовую форму. Целью данной научной статьи является выявление возможного потенциала сближения российского и мусульманского уголовного права. Для этого, в частности, был проведен анализ российского законодательства и исламского права в зарубежных странах. Особое внимание уделяется наличию в первоисточнике мусульманского права общепризнанных демократическим сообществом принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, ислам, Коран, конвергенция, принципы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ramiz1999@yandex.ru (Р.Ф. Шахбазов), sizov46@mail.ru (А.А. Сизов)